

ОТ АВТОРА

Идея написания этой книги возникла у меня сравнительно недавно, уже после вынужденной эмиграции в Германию. Причин тому несколько. Прежде всего, многих моих новых знакомых, особенно среди журналистов, очень интересуют вопросы жизнедеятельности системы исполнения наказания – тюрем, следственных изоляторов и колоний - как в советские времена, так и в последние годы. В частности, взаимоотношения администрации исправительных учреждений с заключенными, образ жизни лиц, лишенных свободы, их нравы и особенности поведения, тюремная «иерархия», писанные и неписанные «лагерные» законы и традиции, а так же многие другие условия и обстоятельства пребывания людей за колючей проволокой. В общем, их интересует та подводная часть «гулаговского айсберга», которая в силу существующего дефицита достоверных сведений крайне редко освещается средствами массовой информации. Объектом особо повышенного интереса является тема, связанная с процедурой исполнения смертных приговоров. Вокруг этого сверх секретного мероприятия крутятся столько легенд, домыслов и откровенных сплетен, что они поражают даже мое воображение, бывшего сотрудника МВД, в течение пяти лет возглавлявшего самое главное карательное подразделение МВД Белоруссии – «расстрельную команду» - группу по приведению в исполнение смертных приговоров.

Поэтому, чтобы не расплыться на разрозненные, бессистемные рассказы, не повторяться и не запутаться самому в «лабиринтах» прошлых событий, я расскажу о пенитенциарной системе с учетом своего двадцатисемилетнего опыта службы в органах исполнения наказания.

Кроме того, ранее в отечественных и зарубежных средствах массовой информации я неоднократно делал различные заявления относительно политических событий, происходивших в Белоруссии при президенте Лукашенко, и неоднократно давал подробные объяснения по фактам преступной деятельности высших должностных лиц республики, подозреваемых в похищении и уничтожении известных деятелей белорусской оппозиции: Ю.Захаренко, В.Гончара, А.Красовского и оператора российского телеканала ОРТ Д.Завадского. Я не отказываюсь ни от одного из ранее произнесенных мною слов, даже в тех случаях, когда они были безжалостно искажены и несли совсем другой, порой обратный смысл. Пусть это останется на совести тех людей, которые это сделали, хотя прощать я никому ничего не намерен. Однако, возвращаясь к истории всех публикаций, в которых упоминалось моё имя, я хочу специально отметить, что все они были записаны с моих устных слов и попадали в печать уже с примесью авторской фантазии. А порой и злого умысла, нацеленного на умышленное искажение истины. Делалось это в угоду политической конъюнктуре, а точнее - действующей власти. О наиболее ретивых авторах я обязательно упомяну и разьясню побудительные причины их писательского зуда и журналистского рвения.

В последнее время до предела обострилось противостояние действующей власти и оппозиции. Вновь на пик правовой аргументации преступности режима Лукашенко вознесена тема похищения и уничтожения политических оппонентов. В этих условиях такие нравственные категории, как ложь, лицемерие, цинизм, ранее характерные для поведения лишь отдельных белорусских чиновников, теперь возведены в ранг официальной, государственной политики. В такой непростой обстановке повышается значимость каждого слова, каждой запятой, так как неверно истолкованная фраза становится опаснее пули. В связи с этим, получив предложение высказать свой взгляд на события, происходящие в Белоруссии, я впервые решил не доверять свои мысли журналистским комментариям, а изложить их самостоятельно в письменном виде.

Я долго думал, каким образом лучше изложить свои мысли, чтобы, не потеряв логической нити, довести до читателя смысл сказанных мною слов. И решил, что будет проще для меня и понятнее для других, если способ изложения моего материала будет построен в форме ответов на вопросы, которые составит для меня один известный журналист. В итоге должен получиться почти официальный документ, который при необходимости можно вполне использовать как протокол допроса и приобщить к соответствующему уголовному делу.

Многие люди, находясь под гипнозом президентского красноречия, а точнее словоблудия, искренне полагают, что все ужасные преступления, связанные с похищениями и уничтожением людей, совершает шайка мерзавцев, которая воспользовалась тем, что чрезмерно доверчивый глава государства просто не в состоянии за всем усмотреть. И что стоит только президенту вникнуть в их преступную деятельность, как он «прозреет» и воздаст по заслугам зарвавшимся злодеям, использовавшим его честное имя как ширму для удовлетворения своих преступных амбиций.

Долгое время под таким гипнозом находился и я. Президентская демагогия, умело распространяемая среди населения средствами массовой информации и подхалимами всех уровней, постепенно делала свое черное дело. Обладая определенным актерским даром, решительностью и беспредельным цинизмом, Лукашенко в довольно короткий промежуток времени после прихода к власти сумел подавить внешне довольно бурное сопротивление независимых политиков. Одних вынудил к эмиграции, других переманил на свою сторону, третьих, самых несговорчивых, непримиримых и опасных, таких как Ю.Захаренко, и В. Гончар, просто уничтожил.

Можно долго перечислять достоинства белорусского вождя, с помощью которых он загнал под лавку бравых генералов, крикливых депутатов и сановитых вельмож из правительства, а также завоевал «всенародную» любовь. Но по мировым меркам он еще только в середине пути. Есть еще более любимые руководители. Например, товарищи Ким Чин Ир или Фидель Кастро. Знаменитый писатель, автор «Рухнамы» и по совместительству президент Туркмении также завоевал «безумную» любовь своего народа. Так что Александру Григорьевичу надо еще малость поднажать.

В феномене А.Лукашенко в принципе нет ничего необычного. Его поведение является типичным для лиц, миновавших в своем «политическом развитии» несколько промежуточных этапов. Человек, еще вчера подобострастно снимавший шапку перед участковым инспектором и часами сидевший в приемных чиновников даже районного уровня, вдруг получил неограниченную власть над генералами и министрами, армией и милицией, КГБ и прокуратурой, не говоря уже о прочих, менее значимых властных структурах. Было от чего закружиться голове. И она закружилась.

Впрочем, вернемся к фактам. Итак, 1999 год. К руководству МВД Беларуси пришел генерал-лейтенант Сиваков Юрий Леонидович. Надо отдать ему должное, он не докучал своим подчиненным нудными совещаниями с различными графиками, процентными выкладками и стандартными «разносками» по поводу низкой раскрываемости преступлений. Он ввел свои критерии оценки деятельности органов внутренних дел. В их основу легли главным образом внешние показатели: чистота помещений, наличие свежей воды в графине, присутствие цветов в горшках и отсутствие окурков в пепельнице. Но самым главным показателем боевой готовности подразделения в целом и каждого сотрудника в отдельности являлось обязательное наличие изречений министра (что-то наподобие цитатника товарища Мао), оформленных в виде его лекций, с «плейбойским» портретом самого бравого генерала в краповом берете на мужественной голове, красовавшемся на обложке конспекта. Отпечатанные типографским способом на хорошей бумаге они со скоростью гонконгского гриппа распространялись штабными работниками по всем учреждениям МВД страны.

К чудачествам нового министра быстро привыкли. Подхалимы ловко протоптали тропинку к сердцу сурового вояки, быстро выяснив сильные и слабые стороны бывшего «героя танковых сражений» (до МВД служил в танковых войсках), и жизнь вошла в привычное русло. Вообще-то, если обобщить все поступки министра, характеризующие его как человека, как личность и как государственного деятеля, то впечатление о нем будет скорее положительным, чем отрицательным. Он очень заботился о своем имидже. Всегда свеж, бодр, подтянут, одет с иголочки. Он умел произвести впечатление. Очень любил говорить. Речь грамотная, голос несколько хриловатый, но хорошо поставлен, умело использовал различные поговорки, анекдоты, притяжки. Владел аудиторией и вызывал искреннюю симпатию слушателей. Постоянно подчеркивал близкие отношения с президентом. При этом позволял себе откровенно покровительственный тон, как бы намекая на неопытность и даже беспомощность молодого главы государства в решении сложных государственных вопросов. Мол, если бы не его «отеческая» опека, то стране и президенту в некоторых случаях было бы очень плохо. В рассудительных речах министра, звучавших с доверительной интонацией, все это выглядело очень убедительно.

Из отрицательных моментов жизнедеятельности Сивакова было доподлинно известно только то, что он был очень злопамятен и мстителен и что до назначения министром, в бытность командующего Внутренними войсками МВД, страдал длительными запоями, которые умело скрывал под видом служебных командировок. Но в должности министра он себе таких «шалостей» не позволял. Близкие к нему люди поговаривали, что он то ли «закодировался», то ли «подшился», но в любом случае результат был налицо, и каких-либо проблем по этому поводу он на моей памяти не испытывал. Правда, перед самой отставкой, весной 2000 года, распространились слухи о том, что министр стал появляться в МВД в состоянии легкого подпития, но так как вскоре последовал его уход с этого поста, то об этом быстро забыли. Да и вообще этот вопрос должен был больше беспокоить президента, а не нас, его подчиненных, тем более что в Белоруссии пьянство не относится к разряду необычных пороков.

Моя первая встреча с Сиваковым произошла ещё в декабре 1995 года, когда он в должности командующего Внутренними войсками МВД и по совместительству врио начальника УИТУ МВД объезжал с ознакомительной целью все подразделения исправительной системы МВД. Я в это время руководил ИТК №14 УВД Минской области. Прибыв в назначенное время, он со свитой из офицеров управления Внутренних войск быстро обошел жилую зону колонии, посетил несколько барачков, производственную зону и столовую. Видимо, оставшись довольным результатами визита, он поблагодарил нас за службу, а сам со своим окружением переместился в роту конвойной охраны, где провел значительно больше времени. Надо отдать должное тому, что Сиваков действительно очень многое сделал для Внутренних войск, как в вопросах материально-хозяйственного обеспечения, так и совершенствования учебно-боевой подготовки. Ему удалось значительно поднять престиж Внутренних войск, реорганизовать их, превратить из подразделений с конвойно-охранными функциями в хорошо обученные и неплохо экипированные универсальные войсковые формирования с высоким боевым потенциалом. Эти войска стали способны решать весьма широкий круг задач, в том числе и оперативно тактического назначения в масштабе государства.

Конечно, новый энергичный, решительный, остроумный, способный на неординарный поступок командующий внутренними войсками выгодно отличался от своих предшественников, а также от действующего министра МВД В.Агольца. Чувствовалось, что мундир командующего ему тесен, и что вопрос перемещения в кресло министра – для него лишь вопрос времени.

Естественно, для назначения на столь высокий пост одних успехов на поприще командующего Внутренними войсками было явно мало. Лукашенко, обжегшись на непокорном Захаренко, стал очень осторожен с выдвиганием на ответственные должности умных и самостоятельных людей. Нужны были определенные гарантии личной преданности и готовность выполнить любой приказ президента, не задумываясь о его законности и невзирая на последствия. Такая готовность давно читалась в преданном взоре бравого командующего и слышалась в фанатичном реве «краповых беретов», клянувшихся в безграничной верности спецназу и лично президенту. Но этого все равно было мало. И только когда было реально создано преступное подразделение, на практике доказавшее способность реализовать «любой приказ» президента, долгожданный указ о назначении Сивакова главой МВД был подписан.

«Обкатка» банды Д.Павличенко началась с физического воздействия на криминальных «авторитетов», но сразу же

переросла в более прибыльный бизнес: рэкет, шантаж и «крышевание» белорусских предпринимателей. Мне достоверно известно несколько эпизодов такой «правозащитной» деятельности этих молодцов. Только за них можно усадить на скамью подсудимых половину тогдашнего СОБРа вместе с отцами-командирами во главе. Я имею в виду министра МВД Ю. Сивакова и госсекретаря Совета безопасности В. Шеймана, к которым стекались финансовые потоки от «благодарных» бизнесменов. В некоторых случаях они задерживались сотрудниками милиции, причем для задержания не раз привлекались бойцы спецподразделения «Алмаз», но до суда ни одно дело не дошло. Не было даже следствия. Сразу же после задержания преступников в дело немедленно вмешивался всемогущий Шейман (в то время секретарь Совета безопасности, а ныне – руководитель администрации президента). По его личному распоряжению преступников отпускали, все дела прекращали, свидетелей и потерпевших запугивали, а сотрудников, которые вели расследование, наказывали или увольняли. Казалось, всё будет шито-крыто. Но «отцы-командиры», как всегда, просчитались. Осталось множество порядочных людей, которые помнят весь этот совбезовский беспредел, и когда придет время с большим удовольствием восстановят всю картину тех «героических событий», обозначив роль каждого участника. К сожалению, более подробно и конкретно о каждом «подвиге» спецназа я пока рассказать не могу, опасаясь причинить вред очевидцам преступлений, которые, являясь носителями очень серьезной, уличающей преступников информации, и без того подвергаются большому риску.

Таким образом, достигнув вершины своей карьеры и доказав на деле способность выполнить «любое» задание руководства страны, Сиваков осознавал, что все, что он делал до сих пор (рэкет, «крышевание», устранение уголовных «авторитетов»), было только «присказкой», что «сказка» будет впереди. Как оказалось, эта «сказка» не заставила себя долго ждать. И вот тут необходимо опять вернуться в прошлое.

ВТОРАЯ ГЛАВА

ХРОНИКА УЖАСА

Утром 30 апреля 1999 года, я, как обычно, к 9 часам утра, прибыл на службу в СИЗО №1. Дежурный помощник сообщил, что мне необходимо срочно позвонить начальнику Комитета по исполнению наказаний полковнику Кадушкину. Я немедленно связался с ним и узнал, что в течение часа ко мне должен подойти начальник службы артвооружения МВД полковник милиции Дик с письмом от заместителя министра генерала Чванкина, в котором тот просит передать ему на время пистолет ПБ-9, тот самый, что применяется для расстрела осужденных к смертной казни. Кадушкин сказал, что вообще-то пистолет нужен министру Сивакову, а зачем, он не знает. Действительно примерно через полчаса прибыл Дик и показал мне письмо, в котором заместитель министра Чванкин обращался к начальнику КИН МВД Кадушкину с просьбой о передаче во временное пользование пистолета с глушителем марки ПБ-9, якобы для проведения сотрудниками МВД учебно-тренировочных стрельб. На письме стояла резолюция Кадушкина, в которой говорилось, чтобы я удовлетворил просьбу заместителя министра о выдаче пистолета. Я знал, что Дик обладает служебными полномочиями на право проверки правил учета и хранения оружия и считал все эти манипуляции с пистолетом за скрытую форму проверки наличия и технического состояния оружия в СИЗО. Пригласив своего штатного оружейника, я представил ему Дика, показал письмо заместителя министра, достал из сейфа пистолет и приказал оформить выдачу оружия в строгом соответствии с инструкцией, предусматривающей такую процедуру. Оружие было выдано Дике в соответствии с инструкцией, а в журнале учета выдачи оружия появилась соответствующая запись с личной подписью полковника милиции Дика, подтверждающей то, что 30.04.1999 года он получил пистолет ПБ-9 с двумя магазинами без патронов. Я полагал, что помимо получения пистолета Дик пожелает осмотреть комнату для хранения оружия и, честно говоря, настроился на неприятный разговор, так как условия хранения оружия не совсем соответствовали постоянно меняющимся требованиям МВД и были причиной частых нареканий в мой адрес. Однако Дик, получив пистолет, сразу заторопился и быстро ушел. Письмо он почему-то забрал с собой.

Прошло две недели. 14 мая 1999 года, по какой то причине заглядывая в сейф, я не увидел там пистолет и вспомнил, что передал его Дике. Я позвонил оружейнику и спросил, возвращено ли оружие? Он ответил, что нет. Тогда я поручил ему созвониться с Диком и выяснить, почему пистолет до сих пор не возвращен. Во второй половине дня оружейник позвонил мне и сказал, что он сам сходил в МВД и забрал пистолет, добавив, что за пистолетом Дик ходил в кабинет к Чванкину. Также он доложил, что пистолет находится в очень грязном состоянии, со ржавчиной. Я приказал привести оружие в порядок и вернуть мне. Утром следующего дня пистолет, вычищенный и смазанный, вновь лежал в моем сейфе.

Я, конечно, задавал себе вопрос, зачем министру понадобился мой специальный пистолет. Ведь дело не в модели пистолета. Такое оружие в избытке имелось на складах, и если бы министру понадобилось, то ему могли принести целый чемодан таких пистолетов. Ему зачем-то был нужен именно этот пистолет и никакой другой. Не находя какого-либо более-менее убедительного довода, я остановился на следующей версии: учитывая техническое состояние возвращенного оружия, пистолет долгое время находился во влажной среде. Следовательно, министр или лицо, которое им пользовалось, были на рыбалке, охоте или просто на пикнике, но в любом случае - в непосредственной близости от водоема. Пистолет мог быть использован для чисто «мужских» забав, то есть для стрельбы по бутылкам или банкам, что очень часто случается в офицерской среде при проведении «мероприятий», связанных с выездом на природу. Ну а глушитель мог понадобиться для того, чтобы не привлекать внимания окружающих громкой стрельбой. Никаких других объяснений этому странному происшествию с пистолетом я придумать не мог, а спросить или уточнить что-либо по этому поводу было не у кого. Ибо, как выяснилось при разговоре с оружейником, полковник Дик сам ничего не знал, так как сразу же после получения оружия от меня

передал его заместителю министра Чванкину, а обращаться к генералам по таким пустякам в МВД не принято. Версия о проведении каких-либо учений у меня даже не возникала, потому что генерал Чванкин возглавлял тыловую службу и никакого, даже отдаленного отношения к учебно-боевым процессам не имел, тем более с применением специального оружия. Это было очевидно еще и потому, что министр обратился именно к Чванкину с просьбой раздобыть «мой» пистолет. Сиваков явно не хотел посвящать в это дело других заместителей, у которых могли бы возникнуть вопросы относительно применения этого вида оружия и вызвать ненужные подозрения. Поэтому сам факт того, что в МВД проводятся какие-то секретные учения, про которые осведомлен начальник тыловой службы с подчиненными (полковник Дика структурно входил в службу тыла) и абсолютно ничего не знают руководители «силовых блоков» милиции (начальники криминальной милиции и милиции общественной безопасности, возглавляемые кураторами из числа заместителей министра) делал «учебную» версию абсолютно не состоятельной. Впрочем, какое-то время, я не без оснований полагал, что пистолет был изъят у меня для проведения каких-либо идентификационных мероприятий, так как в это время начиналась кампания по идентификации и перерегистрации всех видов оружия, имеющегося у населения, в том числе газового и гладкоствольного. Но я также знал и то, что все виды оружия, поступающего в обращение в органы внутренних дел, обязательно предварительно идентифицируются, их индивидуальные особенности фиксируются и хранятся в пулегильзотеке информационного центра МВД. Поэтому данную версию я так же забраковал и остановился на «пикниковом» варианте использования пистолета. А выбор именно «этого» оружия я объяснял себе потребностью министра и его окружения в мистифицированных, острых ошущениях.

Так как эта история с пистолетом каких-либо отрицательных последствий для меня не вызвала, то я, погруженный в текущие дела, перестал о ней даже вспоминать. Однако вскоре министр вновь напомнил о себе и снова при довольно странных обстоятельствах. 23 мая 1999 года дежурному по СИЗО позвонил какой-то высокопоставленный чин из аппарата министра и передал требование министра, чтобы к определенному часу 24 мая, в кабинет Сивакова был доставлен заключенный Корнюшко, бывший военнослужащий Внутренних войск, имевший майорское звание и до ареста являвшийся бойцом СОБРА, осужденный к 6 годам лишения свободы за «рэкёт» и подготовку убийства одного из минских предпринимателей. Я знал, что его дело вела военная контрразведка, а из оперативных источников мне было известно, что к его «подвигам» прямо и косвенно причастен большой круг военнослужащих, тоже бойцов СОБРА, вместе с его командиром Павличенко. В соответствии с законом об оперативно розыскной деятельности вся информация, поступающая из оперативных источников, фильтруется оперативными работниками СИЗО и направляется соответствующим заинтересованным ведомствам. В данном случае, все сведения посылались в органы военной контрразведки, где, я полагаю, хранятся и по сей день, если только господин Шейман не воспользовался правом прокурорского надзора за деятельностью спецслужб и не «подчистил» за собой и своими «подельниками». Но вернемся к случаю с Корнюшко. Доставкой заключенных в различные инстанции занималось специальное конвойное подразделение милицейского полка, но они действовали строго по заявкам спецотдела СИЗО и судебно-следственных органов. Министр ни под одну указанную мною категорию не подпадал. Кроме того, для встречи заключенного с любым человеком, кроме адвоката, необходимо индивидуальное разрешение лица, которое ведет уголовное дело, в данном случае - судьи Верховного суда Республики Беларусь. Обо всех этих немаловажных бюрократических препонах я и доложил в аппарат министра. Я объяснил, что вначале нужно получить письменное разрешение судьи, затем сделать заявку в конвойное подразделение, потому что вопросы конвоирования в функцию СИЗО не входят, и конвой доставит заключенного туда, куда нужно. Все контакты происходили по телефону и, судя по всему, мой ответ не понравился чиновнику, находящемуся на другом конце провода, потому что голосом, не предвещающим ничего хорошего, он пообещал доложить министру о моей некомпетентности в решении предельно «простого» вопроса, и что я, мол, об этом пожалею. В весьма дурном расположении духа я провел остаток рабочего дня, не ожидая ничего хорошего от сложившейся ситуации, так как прекрасно знал зловерность министерских чиновников, не упускавших ни малейшего случая, безнаказанно обидеть человека, зависящего от них по службе. Тем более что я не знал реакции министра на доклад его чиновника. Но не трудно было догадаться, что она была явно не в мою пользу, и затянувшаяся пауза действовала на меня угнетающе.

Мои опасения были не напрасны. Около 19 часов мне вновь позвонили из аппарата министра и сказали, что поскольку у меня нет возможности доставить заключенного к министру, то министр, принимая во внимание мою «занятость», сам навестит меня. То есть, придет в СИЗО. И что его визит состоится 24 мая в 10 часов утра. Как ни странно, но этот звонок словно разбудил меня. Хандра исчезла. Я уже знал, что нужно делать. Доложив руководству Комитета по исполнению наказаний о предстоящем визите министра, я вызвал на службу своих заместителей, некоторых других сотрудников и поставил задачу: за ночь сделать генеральную уборку учреждения, а так же произвести ряд косметических мероприятий на фасадах зданий и прилегающей территории. Всю ночь кипела работа. К утру все было готово для приема высокого гостя. Конечно, вся эта суета имела показушный характер, но таковы были правила игры, и их необходимо было свято соблюдать, так как очень часто именно этот «показушный» фактор являлся основным показателем в оценке профессиональной деятельности целого коллектива, а этим нельзя было пренебрегать.

К 9 часам утра в СИЗО прибыли начальник КИН Кадушкин с заместителями, куратор с ГУВД г. Минска Немкович, и мы еще раз проверили готовность учреждения к визиту министра. Надо сказать, что повседневная жизнь Следственного изолятора с 9 до 10 часов утра является чрезвычайно напряженной и в этот период входит в самую активную фазу. Именно в это время происходит погрузка заключенных в «автозаки» и их отправка в суды города Минска (в Минске 9 районных судов, а также Городской, Верховный и Военный суды), в это же время отмечается и самый большой наплыв следственных работников и адвокатов. Дежурная и режимные службы в этот период работают на пределе своих возможностей, и я, зная это, старался никогда не отвлекать их от исполнения своих прямых обязанностей. Поэтому с подсказки Кадушкина, хорошо знающего привычки и некоторые другие особенности характера Сивакова, мы подготовили для него маршрут движения по территории СИЗО, максимально

исключающий влияние министра на осуществление сотрудниками СИЗО своих функций, и к 10 часам заняли исходную позицию у входа в учреждение. Ровно в 10 часов Сиваков на легковой автомашине подъехал к административному зданию СИЗО. Я встретил его у автомобиля, представился и доложил обстановку. Он поздоровался со мной за руку и в моем сопровождении прошёл ко мне в кабинет, где его ждали руководители Комитета по исполнению наказаний МВД (сокращенно КИН МВД). Министр сказал, что желает осмотреть СИЗО, а затем встретиться с заключенным Корнюшко, мотивируя это тем, что якобы получил от него письмо с просьбой об оказании его семье материальной помощи и содействия в выделении квартиры. Это было что-то новое во взаимоотношениях начальника такого ранга и подчиненного, совершившего преступление, особенно в органах внутренних дел. Но в тот момент все присутствующие были восхищены поступком министра, который, перешагнув через устав и общественное мнение, не погнушался навестить своего подчиненного, попавшего, мягко говоря, в беду. По поводу моего отказа привести Корнюшко к нему он не сказал ни слова и вообще не выказывал признаков какого-либо раздражения или неприязни.

Конечно, он прекрасно видел, что к его визиту готовились всю ночь. Во многих местах блестела свежая краска, кругом были влажные от постоянной уборки полы, даже мусорные урны -вычищенные, вымытые и подкрашенные - имели такой привлекательный вид, что в них было стыдно что-то бросить.

Сиваков с интересом обошел служебные помещения и режимные корпуса, посетил несколько камер, поговорил накоротке с некоторыми заключенными и, вернувшись в мой кабинет, попросил привести для беседы заключенного Корнюшко. Я спросил: желает ли он беседовать наедине? Он ответил, что мы ему не помешаем и занял место за боковым столом. Мне он предложил занять мое рабочее место и заниматься исполнением своих обязанностей. Кроме меня в кабинете находились мой заместитель по оперативной работе Саевич и руководители КИНа во главе с Кадушкиным. Привели Корнюшко. Я впервые увидел этого человека, хотя из документов достаточно хорошо знал о нем и его «подвигах». Войдя в кабинет и увидев министра, он принял строевую стойку и представился. Сиваков предложил ему сесть и начал разговор. Я приведу начало их беседы почти дословно, так как это очень важно для осмысления сути самой встречи.

Так вот, меня поразила «интимность» отношений между Сиваковым и Корнюшко, так как я не верю в дружбу между генералами и майорами. Было видно, что их связывает нечто большее, чем просто служба в войсках МВД, и это особенно пытался подчеркнуть Корнюшко. Сиваков же сразу понял неуместность взятого Корнюшко фамильярно-доверительного тона, и его стремления произвести на окружающих впечатление личного друга министра. Несколькими фразами он перевел беседу в нужную тональность и остудил восторженный пыл ретивого бандита, посчитавшего, видимо, что министр прибыл к нему с извинениями, со справкой об освобождении и приказом о присвоении внеочередного звания. Было видно, что его сильно «распирало» от нахлынувших чувств. Впрочем, было от чего потерять голову. Не каждый день и даже не каждый год руководитель главного карательного ведомства страны наносит персональные «благотворительные» визиты к бывшему подчиненному, совершившему умышленное тяжкое преступление из корыстных побуждений. К слову сказать, в тот период времени в Следственном изоляторе, помимо Корнюшко, под стражей содержалось ещё не менее десяти сотрудников органов внутренних дел. Среди них были и лица, совершившие преступления по неосторожности, и «фанатичные» менты, ярые сторонники силовой аргументации в добывании улик, и обнаглевшие взяточники. Но ни один из них почему-то не представлял для министра никакого интереса. Он даже не интересовался их количеством. И это, в общем-то, было бы нормально, если бы не его «историческая» встреча с Корнюшко.

Министр произнес укоризненно: «Что же ты натворил? Как ты меня подвел!» Корнюшко с некоторой бравадой и даже вызовом: «Ведь вы же меня знаете товарищ генерал! Хотел бы убить, так убил бы. Для меня это не проблема». Здесь я снова хочу напомнить, что Корнюшко был осужден Военным судом за вымогательство и подготовку убийства белорусского предпринимателя. Мне было известно, что в основу обвинения легли материалы прослушивания его телефонных разговоров с одним из соучастников преступления, а также изъятие оружия, предназначенного для совершения убийства. Я читал распечатки этих переговоров. Они велись открытым текстом и не предполагали никакого двусмысленного толкования. Потому у следствия и суда не было больших проблем с доказательственной базой. По сути дела этот грозный «боевик» сам себе своим языком наболтал срок. Но главное не в этом. При просмотре распечатки его переговоров складывалось впечатление, что речь идет не о подготовке к убийству человека, а о проведении некоего заурядного мероприятия. Настолько обычного для разговаривавших, что они даже не считали необходимым как-то зашифровывать тему беседы. Так ведут себя люди либо с определенными умственными отклонениями, либо абсолютно уверенные в своей безнаказанности и имеющие некоторый опыт в подобных делах. Первый вариант отпадает, потому что Корнюшко признан вменяемым, да и дослужиться до майора дураку сложно. А вот второй вариант, после его встречи с министром, по моему мнению, стал иметь полное право на существование.

Однако, судя по всему, Корнюшко либо переоценил возможности своей «крыши», либо, как говорят в таких случаях, «вышел из-под контроля», и решил для поправки личного бюджета самостоятельно использовать криминальные навыки своей «организации». За что и поплатился. Кроме того, Сиваков тогда стоял только у истоков своей карьеры, являясь «всего лишь» командующим Внутренними войсками, и имел весьма ограниченные возможности влияния на судебно-следственные процессы. Да и сама связь с Корнюшко в тот период была далеко небезопасна для него. Ведь стоило только Корнюшко открыть рот, что он «бандитствует» не сам по себе, а является членом «специального секретного подразделения», которое находится под патронажем бравого командующего, жизнь Сивакова потекла бы совсем по другому карьерному руслу. Скорее всего - по криминальному, так как его заслуги перед Отечеством в тот период еще явно не «натягивали» на высочайшее покровительство в лице самого «вождя» и его «стременного» - Виктора Шеймана. Кому был бы нужен министр внутренних дел, под крылом которого свило гнездо полубандитское вооруженное формирование, дискредитирующее власть и поставившее на поток криминальный бизнес, для борьбы с которым собственно создавалось.

Но главную опасность для Сивакова представляло то, что в результате такой «правоохранительной» деятельности, которую развил Корнюшко, «вожди» могли поставить под сомнение возможность тайного выполнения тех задач, ради которых и создавался СОБР, а заодно и дееспособность автора этого проекта, то есть командующего. Проблем возникло много. Главная из них - это утечка информации о деятельности «спецназа». Ведь попав один раз в поле зрения спецслужб, избавиться от их «опеки» было практически невозможно. Кроме того, находясь в камере, Корнюшко «для укрепления авторитета» продолжал молотить языком о своих «подвигах». При этом обозначив в числе своих «подельников», а по сути, сдав их, всех своих отцов-командиров, включая Павличенко и Сивакова.

Тюремные оперативники исправно информировали об этом своих коллег из военной контрразведки. Но то ли военные чекисты умышленно не захотели расширять круг обвиняемых по этому делу, то ли посчитали его слова простым хвастовством, то ли вмешался Шейман, и в итоге в официальный протокол допроса Корнюшко эти сведения не попали, а потому честь мундира и свобода генерала Сивакова были спасены. Вот почему и состоялась душещипательная беседа двух ветеранов «криминальной хроники» СОБРа. Конечно, это я понял значительно позже, а в тот момент я, как и все присутствовавшие, видел только внешнюю сторону этой трогательно» встречи боевых товарищей, которых «злая судьба» развела по разные стороны баррикад. И мы стали свидетелями того, как крепкая мужская дружба оказалась выше всяких бюрократических условностей, как старший товарищ подставляет плечо оступившемуся другу, помогая ему обрести веру в себя, в командиров и в весьма отдаленное и не совсем светлое будущее.

Корнюшко, судя по его поведению, как и большинство осужденных, виновным себя не считал. В его дальнейшем разговоре с Сиваковым, помимо полного отсутствия раскаяния и чувства вины, звучали нотки, с какими обычно не просят, а требуют в определенных кругах причитающуюся долю. Из разговора было понятно, что Корнюшко настаивал на выделении его семье квартиры. Сиваков же обещал только малосемейное общежитие. Корнюшко вновь настаивал на получении квартиры, смутно намекая на какие то заслуги. Сиваков также терпеливо объяснял ему причины, по которым квартиру выделить не может.

Наконец Корнюшко понял, что квартиру он не получит и скорого освобождения, как и внеочередного звания, ему также не предвидится. В «запале», реализуя накопившуюся злость и агрессию, он наскоро злобно пожаловался на плохое отношение к нему администрации, сказав, что его специально содержали с отпетыми уголовниками, и, мол, только его суперподготовка не позволила ему подвергнуться насилию и унижению. Это была откровенная ложь. Я знал, что он содержался в двухместной камере вместе с работником милиции, арестованным за получение взятки, и который был отнюдь не богатырского телосложения. Правда, министр не придал его словам никакого значения и, пообещав, что все будет хорошо и его никто не забудет, попрощался с ним. Когда конвой увел Корнюшко, Сиваков, понимая, что надо как-то объясниться, сказал примерно следующее: «Видите, мол, что происходит с военными, когда правительство посылает их устранять неугодных властям людей, а потом они уже с нарушенной психикой совершают аналогичные преступления по собственной инициативе». Затем, видимо уловив в наших глазах непонимание сущности «подвигов», совершенных Корнюшко, поправился и сказал, что все это было с ним, то есть с Корнюшко, когда он воевал где-то за пределами Белоруссии, в «горячих точках», где подорвал своё здоровье и истощил нервную систему.

Из личного дела Корнюшко и из оперативной информации, имевшейся в отношении его я знал, что по специальности он был кинологом. Всю свою службу посвятил собакам и водке, и самыми горячими точками в его жизни были очереди у прилавков вино-водочных магазинов. Но, резонно полагая, что министру виднее, и что, возможно, в промежутках между пьянками и дрессировками собак Корнюшко действительно выполнял специальные поручения правительства, я оставил свои сомнения при себе и никаких уточняющих вопросов по этому поводу задавать министру не стал.

Положительно оценив деятельность администрации СИЗО и поблагодарив за службу, Сиваков, как бы между прочим, спросил, каким образом мы производим захоронение расстрелянных по приговору суда осужденных. Я ответил, что производим захоронение согласно инструкции. Он сказал, что было бы лучше, если бы мы пользовались крематорием, что он предлагает мне подумать над этим вопросом, и что у него есть возможность решить эту проблему положительно. Свои соображения по этому вопросу я могу передать через начальника КИН Кадушкина. Я пообещал обязательно подумать над этим и доложить в ближайшее время. После этого Сиваков попрощался со всеми сел в автомобиль и уехал. Напомню, что было это 24 мая 1999 года. Через 10 дней после возвращения мне расстрельного пистолета (14 мая 1999 г.) и через 17 дней после исчезновения бывшего министра внутренних дел Ю. Захаренко (7 мая 1999 г.). И опять я вынужден признать, что мне тогда было абсолютно невдомек, как тесно связаны между собой эти события.

Прошло несколько дней. Я долго размышлял над предложением министра, советовался со своими сотрудниками и пришел к твердому убеждению, что от предложения министра о сжигании трупов казненных в крематории следует отказаться. Причина была в том, что это мероприятие, хотя и незначительно, но расширяло круг лиц, посвященных в процедуру смертной казни. Возникла реальная угроза расшифровки личного состава специальной группы перед сотрудниками крематория. Кроме того, нам было необходимо подгонять дату расстрела осужденных к графику работы крематория, что также создавало много проблем и расшифровывало процедуру казни по времени. При таких условиях, был убежден я, рано или поздно, но утечка информации произойдет, и о том, что тела казненных сжигаются в крематории, будет известно родственникам осужденных. А зная еще и дату погребения, путем несложных наблюдений можно будет вычислить транспорт, которым тела доставляются в крематорий, а затем и место исполнения приговора. Зная, какие чувства испытывают близкие родственники и друзья приговоренных к смертной казни, я смело могу сказать, что дальнейшие последствия могли быть просто непредсказуемыми. Поэтому в принятии решения по вопросу кремации трупов я исходил из несколько циничной в данном случае, но часто

применяемой в тюрьме поговорки: «Береженого Бог бережет, а не бережёного - конвой стережет».

Свое решение с обоснованием отказа от кремации тел казненных я в устной форме доложил начальнику КИН Кадушкину, а он - Сивакову. Убедили министра мои мотивы или нет мне неизвестно, но он больше на этом не настаивал.

Утром 16 сентября 1999 года дежурный офицер сообщил, что меня срочно просил позвонить начальник КИН МВД полковник Кадушкин. Я немедленно связался с ним, и он сказал, что министру внутренних дел Сивакову вновь понадобился мой специальный пистолет с глушителем, и что мне нужно связаться по телефону с его адъютантом Колесниковым. Он продиктовал мне номер телефона Колесникова и попросил сделать все побыстрее. Я немедленно связался с Колесниковым. Он сказал, что имеет ко мне личную просьбу министра Сивакова и что сейчас прибудет. Минут через десять он был у меня и заявил, что министр попросил его взять у меня пистолет с глушителем. Для каких целей, ему не известно. Я вновь вызвал оружейника и приказал ему оформить передачу пистолета согласно инструкции. Он принес журнал выдачи оружия, и Колесников, расписавшись в получении пистолета ПБ-9 с двумя магазинами без патронов, спрятал его за пазухой и ушел. Я подумал, что, видимо, опять министр и его близкие друзья соскучились по острым ощущениям и решили пострелять из расстрельного пистолета. Почему-то я подумал ещё и о том, что хотя сам пистолет и не очень изношен, но глушитель при стрельбе уже сильно дымит и требует замены и что надо решить вопрос о запасном глушителе. Я обратился с этим вопросом к Кадушкину, и он обещал помочь. Через некоторое время со мной по телефону связался один из сотрудников тыла КИН МВД и сказал, что отдельно глушители не поставляются, а идут только в комплекте с пистолетами и что мне нужно определиться по количеству приобретаемого оружия. Я ответил, что мне достаточно будет двух единиц, и наш разговор на этом закончился. А примерно через месяц я получил совершенно новые пистолеты ПБ-9 в количестве двух штук. Я привожу этот факт, как пример того, что если бы Сивакову нужно было просто бесшумное оружие, то у него была возможность иметь его в неограниченном количестве и абсолютно новое. Но он почему-то предпочел старое, и с не совсем хорошей репутацией.

18 сентября 1999 года, примерно в 9 часов утра, мне позвонил адъютант министра Колесников и сказал, что желает встретиться со мной. Я ответил, что жду его у себя. Минут через десять-пятнадцать Колесников прибыл в мой кабинет и, достав из-за пазухи пистолет, возвратил его мне. Я осмотрел оружие, проверил комплектность и сказал, что все в порядке. Колесников попрощался и ушел. Больше я его никогда не видел. На этот раз пистолет действительно был в порядке. Я подумал, что им или не пользовались, или хорошо почистили после стрельбы. Во всяком случае, мой оружейник, которому я показал пистолет, сказал, что он дополнительной чистки и смазки не требует. В журнале выдачи оружия была сделана соответствующая отметка о возврате пистолета, и вся эта история была благополучно забыта. Ходившие по городу слухи об исчезновении В. Гончара и А. Красовского, которых якобы похитили вечером 16 сентября возле какой-то бани, также никаких ассоциаций и подозрений у меня не вызвали.

Как я уже упоминал, с приходом на должность главы МВД Белоруссии генерала Сивакова в Минске бешеными темпами стал раскручиваться имидж СОБРа как «суперподразделения», способного одним махом решить все задачи по борьбе с преступностью. Окруженное высочайшей заботой и вниманием, не имея никаких конкретных задач, с непонятными размытыми функциями воинское формирование, именуемое СОБР, стремительно набирало силу. Я уже говорил об абсолютной непригодности СОБРа к выполнению милицейских функций. Мало того, он вообще не имел на это никаких предусмотренных законом полномочий. Согласно закону о милиции права работников милиции распространяются только на работников милиции и никому делегироваться не могут. А СОБР - это чисто воинское подразделение, живущее по уставу и имеющее такое же отношение к милиции, как и учреждения пожарной охраны, в то время входившие в систему МВД.

Более того, порядок применения спецсредств и оружия против гражданского населения регламентируется также законом о милиции (статьями с 16 по 21), распространяется только на сотрудников милиции и никакого расширительного толкования не предусматривает. Конечно, воинские подразделения тоже имеют право на применение оружия в мирное время, но при совершенно других обстоятельствах, предусмотренных, допустим, Уставом караульной службы, и, как правило, при осуществлении сторожевых или охранных функций, но никак ни милицейских.

Вы вправе спросить: кому нужны эти малопонятные теоретические выкладки о «разделе сфер влияния» на государственном уровне? Ведь удар милицейской дубинки вряд ли «слаще» дубинки СОБРовской. Насчет удара все совершенно верно, а вот насчет последствий можно и поспорить. Если «силовые» действия работника милиции в отношении гражданского населения при определенных обстоятельствах можно считать «условно правомерными», то такие же действия СОБРовца при таких же обстоятельствах нужно считать безусловно преступными, тем более если они связаны с применением оружия. И веду я эту речь к тому, чтобы люди, кого это касается, знали и помнили, что сам факт участия СОБРа в милицейских операциях в том виде, который он имеет сейчас, то есть отряд военнослужащих, - это уже нарушение закона, а при причинении вреда - преступление.

Конечно, во власти министра было решить эту проблему одним росчерком пера. Следовало только переаттестовать бойцов СОБРа из военнослужащих Внутренних войск в сотрудников милиции. Ведь существует же ОМОН или тот же «Алмаз», где все сотрудники являются работниками милиции, существует, в конце концов, целый милицейский полк, состоящий из солдат срочной службы и обеспечивающий охрану не только потому, что Сиваков недолюбливал милицию. Дело еще и в том, что комплектование милицейских подразделений производится кадровыми аппаратами МВД, а военнослужащие Внутренних войск оформляются на службу военкоматами по упрощенной схеме, минуя различные формы проверок, тестирования и медицинского контроля, которым подвергаются лица, поступающие на службу в милицию. Вполне возможно, что некоторые из «боевиков» вообще не попали бы на службу в органы внутренних дел даже в качестве рядовых, если бы проходили полноценный отбор и проверку, предусмотренную для

будущих сотрудников милиции. При всех недостатках комплектования в милицию все-таки старались подбирать здоровых и разумных. А в войска - здоровых и послушных, а иногда и только здоровых.

Несомненно так же то, что в условиях жесткого единоначалия, по которым живут все войсковые формирования, вопросы комплектования, реорганизации, мобильности и управляемости решались проще и быстрее, без различных бюрократических и технических проволочек. Кроме того, в милицееских подразделениях не было базы для создания «краповых беретов», хотя бы потому, что их там не носят, а душа министра как человека сугубо военного тяготела больше к военной форме. Видимо, «военный» фактор и явился доминирующим при решении вопроса о статусе СОБРа. А законность применения этой грозной силы его мало волновала, впрочем, как и его высоких покровителей.

Снова напрашивается вопрос: нужны ли народу вообще эти далеко не бесплатные игры в краповые береты, СОБР, другие виды «спецназа» и не только в структуре МВД? Для решения каких суперзадач в маленькой стране нужно столько «суперменов»? С кем мы воюем? Ведь для успешной борьбы с преступностью нужны не «спецназ», а квалифицированные юристы, хорошие законы и социально-экономический прогресс. А когда дело доходит до применения «спецназа» против своих граждан, это уже не страна. Это бедлам.

Давайте вспомним сравнительно недалекое прошлое и вернемся в 1994 год. Лукашенко «принял» страну без «краповых беретов», без СОБРа и без других тайных антиконституционных разведок, контрразведок и «спецназов». А ведь страна существовала без всего этого. И неплохо. Целых 60 послевоенных лет. Тогда пусть объяснит господин Верховный главнокомандующий, для чего все это? Что охранять и от кого? Кого же мы так боимся? С кем собрались воевать? Откуда такие огромные средства на содержание войск и «спецназа»? Может, из пресловутого «Президентского фонда», больше похожего на воровской «общак»? А может, Лукашенко получил богатое наследство и не знает, как им воспользоваться? Потому и содержит за «свой счет» несколько тысяч двухметровых «сироток» с чугунными лбами?

Конечно, очень сложно отделить навязываемую государством полицейско-милитаристскую шизофрению от нормального восприятия реальной действительности, но сделать это обязательно нужно, чтобы каждый гражданин четко знал, куда и на что тратятся народные деньги и с кого потом следует за это спросить. Я полагаю, что в свое время это сделают более профессионально и компетентно соответствующие органы.

Можете ли Вы суммировать все обстоятельства, послужившие поводом для возникновения у вас подозрений в отношении преступной деятельности высших должностных лиц государства.

Что ж, еще раз обратимся к фактам. В период с мая по октябрь 1999 года в городе Минске были похищены неизвестными лицами влиятельные оппозиционеры: Ю.Захаренко (7мая), В. Гончар и А. Красовский (16 сентября). 8 апреля 1999 года пропала без вести бывший главный банкир Белоруссии Тамара Винникова, до этого в течение года находившаяся под стражей в Следственном изоляторе КГБ и освобожденная под подписку о невыезде.

Во Внутренних войсках создано новое подразделение с неопределенными функциями - СОБР. Командиром СОБРа является майор Павличенко, который страдает нездоровым любопытством в отношении приведения в исполнение смертных приговоров, а точнее, интересуется профессиональными способами убийства людей. Причем далеко не в военной, не в боевой и даже не в экстремальной ситуации.

Из СИЗО №1 дважды (30 апреля и 16 сентября 1999 года) по личному указанию министра МВД Сивакова для неизвестных целей был истребован специальный пистолет ПБ-9, предназначенный для приведения в исполнение смертных приговоров.

Во время похищений и Захаренко, и Гончара с Красовским неизменно фигурирует автомобиль БМВ красного цвета.

Автомобиль БМВ красного цвета имеется в автопарке подразделения СОБР, и им очень часто пользуется командир СОБРа Павличенко. При похищении Гончара и Красовского на одном из деревьев следователем были зафиксированы и изъяты следы ярко-красной краски, оставленные автомобилем.

Конечно, ни один из этих фактов сам по себе не претендует на какую-то весомую улику, и не может вызывать какие-либо подозрения, тем более против чиновников государственного масштаба. Не вызывали они подозрений и у меня. До декабря 1999 года.

Но 14 декабря 1999 года в газете «Комсомольская правда» на первой странице появились портреты исчезнувших: Ю.Захаренко, В.Гончара, А.Красовского и Т.Винниковой. Причем портрет Винниковой сопровождался её интервью, которое она по телефону дала корреспонденту «Белорусской деловой газеты» Ирине Халип. Итак, одна из пропавших политических фигур нашлась. Вернее, объявилась сама, произведя сенсацию в политических кругах Белоруссии и поставив под большое сомнение достоверность версий о похищениях Захаренко, Гончара и Красовского. Тут же стали распространяться слухи, что вскоре найдутся и они. Интерес к их судьбам у общественности заметно снизился. А в милицееских кругах, которые и так не особенно утруждали себя их розысками, появилось твердое убеждение, что их исчезновение - результат инсценировок и пропагандистский трюк, и что в скором будущем следует ожидать их объявления в каких-нибудь западных странах.

На меня, поскольку я был абсолютно далек от политики, эта информация никакого впечатления не произвела, за исключением того, что под каждой фотографией я увидел дату исчезновения. У меня появились какие-то смутные ассоциации, показалось, что эти даты каким-то образом связаны с моей работой.

В нише моего рабочего стола всегда лежало моё табельное оружие - пистолет «Макарова». Нередко во время размышлений я доставал из него магазин, не глядя вынимал патроны и заряжал заново. Эти несложные упражнения помогали мне отвлечься от ненужных мыслей и сосредоточиться на главных. Так же произошло и тогда. Я достал

пистолет, извлек магазин, выщелкнул на ладонь несколько патронов и ... озаренный внезапно мелькнувшей мыслью снял телефонную трубку и приказал срочно пригласить ко мне оружейника. Через несколько минут я уже листал журнал учета выдачи оружия. Как я и предполагал, даты выдачи «расстрельного» пистолета полностью совпали с датами исчезновения оппозиционеров. По моим пока еще очень робким догадкам выходило, что этот злосчастный пистолет каким-то образом причастен к исчезновению людей. Но ведь я выдавал его по распоряжению самого министра. Неужели он? В тягостных размышлениях прошло несколько дней. Но я не терял времени даром и посвятил его изучению различных документов, которые хотя бы немного проливали свет на историю исчезновения политических противников Лукашенко.

Ценной для меня оказалась информация, полученная из оппозиционной прессы и информационного бюллетеня общественного объединения «Правовая помощь населению», изданного в ноябре 1999 года под редакцией известного белорусского правозащитника Олега Волчека под заголовком «Где Юрий Захаренко?». В частности, в этом бюллетене имелись статьи из газеты «Народная воля» от 12.05.1999 года (автор Вячеслав Будкевич) и от 18.05.1999 года (автор Мария Эйсмонт). В них со ссылкой на свидетелей сообщалось, что непосредственно перед похищением Ю.Захаренко 5 и 6 мая за ним следили неизвестные лица на двух автомобилях. Одним из автомобилей был «БМВ» красного цвета. Судя по всему, наружное наблюдение велось довольно небрежно, так как его обнаружил Захаренко, после чего «наблюдатели» были вынуждены скрыться.

Это не походило на действия спецслужб МВД и КГБ, которые осуществляли такие мероприятия на очень высоком профессиональном уровне и никогда не использовали для подобных дел даже ярких предметов одежды, не говоря уже об автомобилях. Из этого я сделал вывод, что за Захаренко велось совсем не наблюдение. Это было совершенно откровенное преследование людьми, абсолютно уверенными в своей безнаказанности, а может быть, и в правоте. И только какие-то обстоятельства помешали совершить похищение в то время.

В этом же бюллетене с большой степенью достоверности, также со ссылкой на свидетелей, описывались обстоятельства похищения Захаренко. Это случилось 7 мая 1999 года. Примерно в 22 часа в районе дома №8 корпуса №3 по ул. Могилевской города Минска не менее трех мужчин в штатском напали на Ю.Захаренко, возвращавшегося домой с автомобильной стоянки. Применяя физическую силу, они затолкали его в автомобиль марки «Жигули» темного цвета, после чего машина быстро уехала, а нападавшие ушли куда-то в сторону.

Кроме того, отмечалась и низкая активность органов милиции, которые даже не удосужились допросить очевидцев похищения, а так же проверить другие обстоятельства совершения этого тяжкого преступления. Розыск велся по стандартной схеме - как лица, пропавшего без вести, то есть был ограничен чисто бюрократическими мероприятиями: распространением ориентировок и опознанием неопознанных трупов. Никаких активных действий не производилось, да и не могло быть произведено в русле существовавшего розыскного дела. А версия о похищении, судя по имевшимся в бюллетене высказываниям министра МВД Ю.Сивакова и Генерального прокурора О.Божелко, рассматривалась правоохранительными органами весьма неохотно. При этом Сиваков довольно правдоподобно «сокрушался» об очень скудных сведениях, поступающих по факту исчезновения своего бывшего коллеги, и с чувством глубокой скорби на «честном и мужественном» министерском лице клятвенно обещал принять все меры к розыску пропавшего.

В то же время чиновниками различного уровня и государственными средствами массовой информации очень активно раскручивалась исходящая из высоких властных кругов версия бегства Ю.Захаренко и других оппозиционеров за границу. Согласно этой версии, озвученной президентом страны во время встречи с главой рабочей группы Парламентской Ассамблеи ОБСЕ Адрианом Северином, Захаренко на тот момент (ноябрь 1999 года) проживал в Украине, Гончар - в России, а Винникова - на Западе.

Уверенность, с которой распространялись слухи и намеки на то, что вскоре исчезнувшие объявятся, давали основания полагать, что в президентском окружении по поводу пропавших политиков имела определенная информация. И здесь совершенно неожиданно для оппозиции, и чрезвычайно своевременно для Лукашенко, как по заказу, явилось телефонное интервью Винниковой корреспонденту «БДГ» Ирине Халип. «Пророчество» и «ясновидение» президента, подтвержденное «чудесным воскрешением» Винниковой, обескуражили многих людей. Теперь все истории с похищениями выглядели нелепым фарсом, и даже самые непримиримые и радикально настроенные оппозиционеры стали весьма осторожны в предположениях, намекающих на причастность властей к исчезновениям политических противников Лукашенко. То, что Винникова жива, здорова и готова, судя по её заявлению, ринуться в справедливый бой - было замечательным известием и ничего, кроме восторга, не вызывало. Непонятно было другое: зачем ей надо было держать многозначительную девятимесячную паузу молчания, поставив тем самым себя и свой вполне успешный «побег» за границу в один ряд с трагедиями Захаренко, Гончара и Красовского, заставив волноваться и переживать тысячи людей? Ведь известно общественность о себе можно было сразу же по достижению «Туманного Альбиона», тем более что эмиграционные законы стран Западной Европы не препятствуют этому. Говорю так уверенно потому, что сам прошел все стадии получения политического убежища и с первых дней нахождения за границей не считал нужным скрывать место своего пребывания. Кроме того, как впоследствии стало известно из компетентных источников, место пребывания Винниковой после её «бегства» из Белоруссии никогда не было секретом для спецслужб по той простой причине, что без их участия этот «побег» просто не мог бы состояться. Однако до поры до времени, почему-то совпавшим с моментом похищения Гончара и Красовского, спецслужбы «утечки» информации в отношении местонахождения Винниковой не допускали. Только в ноябре 1999 года, в разгар «поисков» исчезнувших политиков, они озвучили версию о месте её пребывания. Причем, озвучили устами самого «батьки», который, безусловно, знал, что вскоре его слова будут очень красиво, литературно подтверждены самой «независимой» журналисткой Ириной Халип. Вольно или невольно, но Винникова сделала этим интервью лучший подарок к Новому году Сивакову и Шейману. Снял с них, правда, ненадолго, подозрения в совершении тяжких

преступлений, и ошельмовав, тем самым, оппозиционных «следопытов». Я не буду забегать вперед в своих оценках действующих лиц этого многоходового и многоактного трагического спектакля, спланированного в недрах Совета безопасности республики, поскольку думаю, что с некоторыми из них играли «втемную», не посвящая в истинную суть отведенной роли, и они не ведали, что творили, то есть «добросовестно заблуждались», а посему и неподсудны. Достаточно сказать, что в числе таких «статистов» оказались даже ведущие «силовики» страны - председатель КГБ Мацкевич, Генеральный прокурор Божелко и будущий министр МВД (в то время начальника Службы безопасности президента) Наумов. Сегодня у меня есть достаточные основания утверждать о таком раскладе сил, существовавшем в тот период времени во властных структурах государства. И в свое время я непременно расскажу об этом более подробно. А сейчас я хочу вернуться к интервью Винниковой и еще раз сказать, что никаких подозрений у меня оно не вызвало и было воспринято как случайное совпадение интересов «преследователей» и «преследуемой».

Ознакомившись со всеми доступными мне материалами, в том числе и оперативного характера, а так же проанализировав ряд закономерностей, таких, как истребование у меня расстрельного пистолета в дни исчезновения Захаренко, Гончара и Красовского, использование преступниками в обоих случаях похищений автомобиля «БМВ» красного цвета, а так же приняв во внимание патологическую, присущую лишь садистам, тягу главного СОБРовца, Павличенко, к созерцанию процесса убийства, и его близость к Сивакову, я пришел к твердому убеждению о несомненной причастности этих лиц к похищению оппозиционных политиков.

Это «открытие» не привело меня в восторг, ибо я не знал, что мне с ним делать дальше. Мне не с кем было даже поделиться своими соображениями на эту тему, так как я знал, что в случае утечки информации и доведения её до сведения подозреваемых мною лиц, я с большой долей вероятности мог рассчитывать на пополнение списка пропавших без вести. Я также знал, что моё исчезновение или даже откровенное убийство никого не удивит, ибо в силу своей профессии рассчитывать на всенародную любовь мне не приходилось, а количество желающих побывать на моих похоронах значительно превышало количество желающих доброго здоровья. Это были издержки «производства», и с этим приходилось считаться. Но если от нападения какого-либо пьяного или обкуренного отморозка можно было защититься, и к этому в принципе был готов каждый сотрудник МВД, то от группы хорошо подготовленных и вооруженных бойцов, да ещё уверенных в том, что они выполняют важное правительственное задание по ликвидации «врага народа», не мог спасти ни один бронежилет и никакая маскировка. Так как был задействован хоть и незаконный, но государственный механизм преследования и расправы и противостоят ему не было под силу никому. Кроме того, меня очень беспокоил факт двукратного изъятия у меня расстрельного пистолета. Исходя из худшего и предполагая, что из него могло быть совершено убийство похищенных лиц, я рассуждал примерно так: «Если вдруг когда-нибудь будут обнаружены тела убитых из этого пистолета людей, то в них вполне могут быть обнаружены и пули, по которым легко установить владельца оружия, то есть меня. Что будет дальше можно расписать с ювелирной точностью. Ни у кого не вызовет больших сомнений умело преподнесенная информация о том, что преступления совершил обезумевший от деятельности палача начальник СИЗО. Мотивы преступлений здесь никакой роли не играли бы и вообще не принимались бы во внимание. Какие могут быть мотивы у сумасшедшего? А если ещё он будет убит при задержании, или сам застрелится, то вообще красота. Не надо будет мудрить с экспертизами да с адвокатами возиться. Вот где воистину прав незабвенный Сталин, выведший известнейшую формулу диктаторского правления: «Есть человек - есть проблемы. Нет человека - нет проблем».

Конечно, у меня был маленький шанс доказать, что в дни пропажи политиков пистолет передавался в распоряжение министра. Но это было бы реально только в том случае, если бы я остался жив, и что мне дали бы возможность предъявить в качестве вещественного доказательства книгу учета выдачи оружия. А если она исчезнет, то все мои ссылки на свидетелей теряют смысл. Ибо кто осмелится свидетельствовать против самого министра на основании сомнительных, голословных заявлений какого-то чокнутого «тюремщика».

В сложившейся ситуации необходимо было срочно предпринимать какие-то меры по обеспечению себе хоть какого-то «алиби», поэтому первое, что я сделал, это укрыл в надежном месте книгу учета выдачи оружия, поручив её хранение особо доверенному человеку. Кроме того, я частично посвятил его в суть возникших у меня проблем и разъяснил, как нужно поступать в случае моей внезапной смерти или исчезновения. Книга учета выдачи оружия не являлась секретным документом, поэтому у меня не возникло проблем с её списанием, как пришедшей в негодность и заведением аналогичной новой. Принятые меры хоть и обеспечивали моё алиби, но личную безопасность не гарантировали. Не вселяло оптимизма также и то, что, располагая достаточными первичными данными о совершении конкретными лицами тяжких преступлений, я впервые в жизни ощутил полное бессилие в вопросах реализации имевшейся информации. Я очень долго думал, кому можно изложить свои подозрения в отношении преступной деятельности Сивакова и Павличенко и пришел к малоутешительному выводу: делать это официально ни в коем случае нельзя. Учитывая «революционный размах» их «правоохранительной» деятельности и почти полное пренебрежение правилами конспирации, было вполне очевидно, что у них есть очень надежное «прикрытие» со стороны властных структур, в данном случае - со стороны Совета безопасности и, скорее всего, лично в лице его секретаря Шеймана. Таким образом, обращение в любой правоохранительный орган республики (МВД, КГБ и Прокуратуру), равно как и передача им любого рода информации по поводу преступной деятельности высоких чинов из МВД немедленно стали бы достоянием секретаря Совета безопасности Шеймана. Это означало бы только одно: немедленную «разборку» с заявителем, которая могла закончиться для меня единственно вероятным исходом, именуемым в медицине как «летальный».

Понятно, что такой вариант меня не устраивал, но и сидеть сложа руки я уже не мог. Я знал по опыту: то, что пришло в голову мне, вполне может прийти в голову и другим «заинтересованным лицам». Без особого труда вычислив потенциальный источник опасности, они, с перепугу, как это всегда бывает при совершении особо тяжких преступлений, вполне могут заняться «зачисткой» этих самых «источников» и «носителей». Итог «зачистки» был вполне прогнозируемым и оптимизма не вызывал. Поэтому надо было что-то предпринимать.

Оценив и взвесив все обстоятельства, я начал действовать следующим образом. Хорошо зная некоторых лиц из числа своих сотрудников, которые на негласной основе сотрудничали с органами КГБ, я в осторожной форме, с учетом должностных обязанностей и компетенции каждого довел до их сведения информацию, что определенные источники в СИЗО располагают данными об обстоятельствах похищения Захаренко, Гончара и Красовского. Учитывая значимость произошедших в стране событий, эта информация должна была обязательно дойти до руководства КГБ и трансформироваться в целый ряд оперативных мероприятий, направленных на проверку полученных сведений, их документирование, уточнение источников их происхождения и массы других действий, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности органов КГБ.

Шло время, но никакого «движения» со стороны чекистов я не замечал. По характеру запущенной мною информации лица, проводившие её проверку, неминуемо должны были бы выйти на меня, причем как официально, так и конфиденциально. В том, что информация дошла до «пункта назначения», я не сомневался. Я знал, что агентура современного КГБ, возвращенная в период острой нехватки в стране шпионов и диверсантов, дабы не оставить себя и своих наставников без средств к существованию, с большим усердием собирала по миру любые сплетни. Полученная таким образом информация «творчески» обрабатывалась дядями со строгими лицами и приобретала статус документа «государственной важности». В итоге бредовые рассуждения какого-нибудь пере- или недопившего «дяди Васи», скажем, по поводу «падения градуса» водки и снижения в связи с этим обороноспособности державы, в руках этих несомненно талантливых людей превращались в многостраничные доклады со множеством страшайших указаний и резолюций и во всеохватывающие планы по обеспечению безопасности государства от военно-экономической диверсии. Всё это я говорю не затем, чтобы несправедливо обидеть сотрудников этого «героического заведения», а только чтобы напомнить им, что это именно они, мягко говоря, прос...ли зарождение и развитие преступной организации под названием «СОБР».

Итак, реакция органов КГБ на «слитую» им информацию существенно затянулась. Наверное, кто-то никак не мог принять нужного решения. Или не хотел. Что, в общем-то, сути дела не меняло, и я продолжал оставаться со своими проблемами один на один.

Неожиданно весной 2000 года пришло известие об отставке Сивакова с поста министра МВД. Никто не знал её причин. Ходили только слухи о том, что Сиваков стал появляться на службе в состоянии легкого подпития, и что он направил Лукашенко какое-то бредовое письмо о своем видении проблем борьбы с преступностью, которое последнему очень не понравилось и не нашло понимания. Лично мое мнение по поводу отставки следующее: Сиваков с помощью подхалимов вполне искренне уверовал в своё предназначение «мессии», «спасителя» государства. Стал исподволь готовить себе почву для занятия президентского кресла. Однако он настолько увлекся саморекламой, что раньше времени «вышел из берегов» обозначенного ему номенклатурного русла. Часовые заводы тысячами штамповали часы с изображением бравого генерала в краповом берете. Его портреты в обязательном порядке стояли на столах и висели на стенах кабинетов у всех сотрудников МВД и по тиражу далеко опережали президентские. Его частые поездки по различным регионам Белоруссии стали сопровождаться обязательным собранием чиновников местного административно-хозяйственного аппарата и многочасовыми выступлениями перед ними. В общем, хотя все эти мероприятия и были запланированы как «отчет министра перед населением о проделанной работе», но по своей масштабности и тематике больше смахивали на откровенную предвыборную агитацию, разумеется, в пользу самого Сивакова. Он действительно становился популярным. И не только в милицейской среде. Это, разумеется, не могло быть незамеченным, и «батяка», абсолютно не нуждавшийся в таком ретивом сопернике, решил лишить его «агитационной» возможности самым радикальным способом – освобождением от должности. Я повторяю, что это лишь моя версия истории об отставке министра, и я абсолютно не претендую на её достоверность, тем более что в то время нас, действующих сотрудников, гораздо больше волновал вопрос о том, кто же будет новым министром?

После длительного безуспешного ожидания реакции властей на мою информацию о преступной деятельности Сивакова, его отставка мною была воспринята как сигнал о том что, наконец-то, я был услышан и правильно понят. Искренне полагая, что «лед тронулся», я совершенно успокоился и стал ожидать дальнейшего, теперь уже естественного хода развития событий в отношении расследования фактов исчезновения Захаренко, Красовского и Гончара. Поэтому, не считая более нужным что-то скрывать от официальных должностных лиц МВД, я, пользуясь случаем и возможностью личной встречи с исполнявшим обязанности министра Удовиковым, посвятил его в свои подозрения.

К моему величайшему удивлению Удовиков повел себя самым странным образом. Перейдя на шепот и многозначительно показывая глазами на потолок, он сказал, что ему все известно, но что он ничего не может сделать. Причин своего должностного бессилия он объяснять не стал, а только опять перевел взгляд в потолок. Затем голосом несколько громче шепота сказал, что единственное, чем он мне может помочь, так это предоставить возможность уничтожить и списать злосчастный пистолет, а также посодействовать изъятию образцов пуль и гильз из пулегильзотеки МВД, если они там имеются. Затем разговор был переведен в служебную плоскость, послужившую поводом для нашей встречи, и вскоре закончился. Возвратившись к себе в кабинет, я долго не мог прийти в себя и, вновь вспоминая детали разговора, наконец понял, что таким многозначительным взглядом в потолок мне, дураку, давали понять, что за всеми этими делами стоят люди, фамилии которых ввиду их «полубожественного» существования вслух не произносятся. Я вновь оказался в тупике. Вновь был загнан в угол и теперь уже совершенно не знал, что делать. Я не знал, как поведет себя Удовиков. Посвятит ли он кого-нибудь в наш разговор и чего после этого ожидать? А может быть, в самом деле уничтожить этот чертов пистолет? Но что-то подсказывало мне, что именно в этом скрывается огромная опасность. Чем мотивировать уничтожение технически исправного, морально не устаревшего оружия? Ведь даже в случае какого-то механического повреждения деталей пистолета существует довольно сложная система выбраковки, которой занимаются очень опытные сотрудники, и которые, несомненно, определяют умышленный характер выведения оружия из строя. Конечно, если на них прикрикнут, они сделают так, как

им скажут. Но это только расширит круг «посвященных», и в случае любого, даже самого поверхностного расследования, история со «списанием» пистолета только усугубит вину «инициатора» его списания. Точно также зловещей обвинительной уликой против меня будет служить и «потеря» оружия. Одним словом, совет Удовикова мне не подходил, так как это, кроме все прочего, абсолютно не способствовало приближению «момента истины», то есть раскрытию преступлений, совершенных с помощью этого оружия.

В отношении «небожителя», на которого указывал глазами Удовиков, глядя в потолок, и которого так откровенно боялся, я определился довольно быстро. Да, собственно, и выбирать-то было не из кого. Сразу исключив из числа «подозреваемых» президента, я остановился на одной единственной оставшейся кандидатуре, которая на тот момент осуществляла «высший государственный контроль» за деятельностью МВД, КГБ и армии, - господине Шеймане.

Теперь оставалось единственное лицо, которое могло навести порядок в МВД да и в силовом блоке государства в целом – это президент. Я не сомневался, что он чрезвычайно загружен непомерными государственными и хозяйственными заботами и стал жертвой каких-то ужасных хитросплетений и интриг, что его держат в информационном вакууме, манипулируют его мнением, а возможно, воспользовавшись его неискушенностью и наивностью, шантажируют. Поэтому нужно помочь ему разобраться в сложившейся ситуации. Но как это сделать? Как довести до его сведения все безобразия, происходящие в МВД? Кто может помочь в этом непростом деле, если даже и.о. министра внутренних дел побоялся принимать в отношении преступников предусмотренные законом меры? Как всегда помог случай.

В апреле 2000 года сотрудниками Минского ОБЭП была арестована по подозрению в получении взятки директор Минского государственного цирка Т. Бондарчук. В Белоруссии это лицо весьма значимое и популярное. Видимо, поэтому Лукашенко поручил разобраться в столь непростом деле начальнику Службы безопасности президента Владимиру Наумову. С этим человеком я лично был знаком около десяти лет. Весь его карьерный рост был тесно связан с системой УИТУ МВД Белоруссии, где он в течение ряда лет возглавлял спецподразделение «Беркут». Наши пути неоднократно пересекались, как при проведении различного рода учений, так и при осуществлении практических мероприятий. Непосредственно перед назначением на ответственный пост «главного телохранителя» главы государства Наумов занимал должность начальника антитеррористического спецподразделения МВД «Алмаз». Наумов был грамотный, внешне приятный человек. Обладал хорошими организаторскими способностями, в профессиональной среде пользовался заслуженным уважением, в том числе и моим. Когда возглавил Службу безопасности президента, не «заелся», при случае всегда общался с бывшими коллегами. Положением не кичился, но и границ дозволенного не переходил, до панибратства не опускался. Алкоголь не употреблял, однако от хороших сигарет не отказывался. Если говорить коротко, то Наумов в тот период представлял собой человека практически без отрицательных качеств. И это могут подтвердить десятки людей, которым доводилось с ним общаться.

Так вот, как-то весной 2000 года СИЗО №1 посетил начальник президентской охраны и мой хороший знакомый, бывший коллега по совместной службе Владимир Наумов. Я встретил его на улице, затем мы прошли ко мне в кабинет, и он сказал, что прибыл по личному поручению президента для того, чтобы лично побеседовать с арестованной Бондарчук и результаты доложить главе государства. Я не знал, как поступить. По закону без разрешения следователя с арестованным не имеет права беседовать никто, даже сам президент. Я поручил своим сотрудникам срочно найти следователя и объяснить ему сложившуюся ситуацию, а сам тем временем стал угощать высокого гостя чаем. Однако щекотливая ситуация разрешилась сама собой, и мне не пришлось прибегать к различным бюрократическим уловкам и ставить в неловкое положение как себя, так и президентского «порученца». Пока мы пили чай выяснилось, что Бондарчук по каким-то причинам в СИЗО пока не доставлена и содержится в ИВС Минского ГУВД. Получив такую информацию, Наумов срочно выехал в ИВС, не забыв оставить мне номера своих телефонов.

Вечером этого же дня Бондарчук была доставлена в СИЗО. В беседе со мной она рассказала, что в ИВС с ней беседовал очень приятный молодой человек, должности и имени которого она не знает, но который пообещал ей во всем разобраться. Она полагает, что это был какой-то адвокат. Я понял, что это был Наумов и что действовал он инкогнито. Это было очень разумно с его стороны, так как хоть и не полностью, но исключался официальный повод для спекуляций на тему вмешательства президента в следственный процесс, что всегда крайне негативно отражается на репутации высших должностных лиц государства.

Не буду останавливаться на особенностях обвинений, предъявленных этой женщине. К тому же, мне не известно, сыграл ли лично президент Лукашенко какую-то роль в её судьбе. Для меня самое главное во всей этой истории было то, что я вновь обрел надежду найти себе союзника в деле установления истины по факту похищения политических деятелей и привлечения к ответственности лиц, подозреваемых в этих тяжких преступлениях. Такого союзника я предполагал увидеть в лице начальника президентской Службы безопасности Владимира Наумова, в честности и порядочности которого я нисколько не сомневался, и встречу с которым воспринял как «знамение свыше».

Действительно в сложившейся для меня безвыходной ситуации мне все-таки давался последний шанс довести до сведения главы государства информацию о преступной деятельности его ближайшего окружения, минуя всякие секретариаты и другие фильтрующие и тормозящие бюрократические структуры. И видимо сам Господь предоставил мне эту возможность, организовав встречу с Наумовым.

Через несколько дней после нашей первой встречи, я, выбрав удобное время, во второй половине дня позвонил Наумову по одному из оставленных им телефонных номеров и попросил подъехать ко мне на работу, сказав, что имею для него важную информацию. Буквально через несколько минут я уже встречал его у входа в учреждение. поприветствовав друг друга, мы прошли ко мне в кабинет. Там я, не откладывая дела в долгий ящик, коротко, но содержательно, по заранее продуманной схеме рассказал о моем подозрении Сивакова, Павличенко, а теперь и

Шеймана в похищении и возможном убийстве Захаренко, Гончара и Красовского. Также сообщил о возможном использовании при этом моего «расстрельного» пистолета. Рассказал и о беседе с и.о. министра МВД Удовиковым и о его реакции на мою информацию. Я объяснил Наумову, что в сложившейся ситуации только он один без посредников и соглядатаев может довести до президента эту информацию, ибо все остальные информационные потоки находятся под контролем спецслужб а, следовательно, и под контролем Шеймана. Я рассказал также и о предпринятых мною мерах безопасности. В частности, о сохранении в надежном месте книги учета выдачи оружия и некоторых других информационных источниках оперативного характера. Наумов сказал, что меры, принятые мною, абсолютно правильные, и что он сам несколько лет назад попал в аналогичную ситуацию - получил на вооружение несколько автоматов «Калашникова», за которыми числились трупы, причем ни кого-нибудь, а литовских таможенников, убитых в 90-ом году на белорусско-литовской границе. Только документальное подтверждение факта получения оружия уже после совершения тяжкого преступления помогло ему отвести от себя необоснованные подозрения. В общем, разговор получился вполне доверительным, и со слов В.Наумова я понял, что он в пределах своих возможностей примет все меры к установлению истины по делу пропавших политиков и заслуженному наказанию виновных. Прощаясь, он сказал, что о результатах своей «деятельности» позвонит сам, но в случае появления каких-либо новых обстоятельств или какой-либо опасности я могу рассчитывать на его помощь и звонить ему немедленно. Напоследок я подарил ему один экземпляр бюллетеня Олега Волчека под названием «Где Юрий Захаренко?», в котором мною уже были выделены места, указывающие на причастность руководства МВД и СОБРа в лице Сивакова и Павличенко к похищению людей. Таким образом, я заручился поддержкой сильного и влиятельного союзника.

Незаметно прошло лето, в течение которого Наумов лишь однажды позвонил мне, поинтересовался, как идут у меня дела и сказал, что «мои» проблемы решаются, но необходимо набраться терпения и подождать. Я был рад и этому, поскольку понимал, что задача перед ним стоит не из простых и для её решения одной «близости» к президентскому телу явно недостаточно. Состоялись также и несколько встреч с Удовиковым по вопросам служебного характера. Бесед на тему «расстрельного» пистолета я больше с ним не заводил, а Удовиков её откровенно избегал. Лишь однажды я спросил его мнение о возможностях Наумова, в смысле, как бы повел себя Наумов, если бы он располагал информацией о преступной деятельности президентского окружения. Удовиков сказал, что, скорее всего, Наумов не решится говорить о таких вещах президенту, так как это не его, Наумова, ума дело, да и смелости не хватит. Короче говоря, высказался о Наумове как о выскочке и человеке недалеко, при чем довольно жестко и с нотками плохо сдерживаемого раздражения и неприязни. Я в то время ещё не знал, что в кулуарах власти идет жесткая подковерная борьба за кресло министра, и что Удовиков и Наумов являются главными претендентами на этот пост, а соответственно - соперниками. В тот момент их взаимная, мягко говоря, неприязнь друг к другу достигла своего апогея. Поэтому я отнес раздражение Удовикова к фактору обычного переутомления и больше никогда при нем эту тему не поднимал.

А в октябре 2000 года неожиданно для многих сотрудников МВД министром был назначен молодой генерал-майор милиции Наумов Владимир Владимирович, а Удовикова перевели в Совет безопасности, на должность заместителя секретаря. К счастью, Наумов действительно не забыл о данном мне обещании. При первой же возможности, то есть при первой же встрече, состоявшейся вскоре после его назначения, он дал понять, что теперь у него нет препятствий для активизации деятельности по раскрытию преступлений, связанных с похищениями людей.

7 июля 2000 года в аэропорту «Минск-2» при загадочных обстоятельствах был похищен телеоператор телеканала ОРТ Дмитрий Завадский. На этот раз следы похитителей нашли сравнительно быстро, и по подозрению в похищении Завадского был задержан бывший офицер спецподразделения «Алмаз» В.Игнатович, уволенный из МВД по состоянию здоровья. Вместе с ним были арестованы еще двое бывших сотрудников милиции - Гуз и Малик, а так же бывший уголовник Саушкин. Помимо похищения Завадского, Игнатовичу и его банде инкриминировались еще несколько тяжких преступлений, связанных с убийствами, грабежами, разбоями и вымогательствами. Но основным направлением следствия по делу банды Игнатовича было раскрытие обстоятельств похищения Завадского, поиск его тела и сбор других доказательств. Для этого были задействованы все лучшие милицейские силы города Минска и самого МВД. Причина столь необычного служебного рвения объяснялась очень просто: президент Лукашенко, зная, что Завадского он не «заказывал», публично поклялся найти и покарать виновных в этом злодеянии, надеясь тем самым «отмыться» и от других подозрений. В совокупности с чудесным «воскрешением» Тамары Винниковой успешный розыск и наказание похитителей Завадского вдребезги разбивали версию о причастности Лукашенко к исчезновению политических противников и давали мощный стимул к его реабилитации по этим вопросам. Он вспомнил, что ранее Дмитрий Завадский был его личным телеоператором. И как истинный, благородный отец нации, конечно же, забыл такие мелочи, как двумя годами раньше этого же личного телеоператора он за ничтожный проступок - имитацию перехода неохраяемого участка белорусско-литовской границы - упрятал на несколько месяцев в тюрьму. Тем не менее повод для саморекламы и политической реабилитации был идеальный, и Лукашенко не мог его упустить. Однако он не предполагал, что верные опричники, руководство МВД, КГБ и прокуратуры, с такой прытью возьмутся за это дело, что, как почти всегда бывает с холуями, выйдут за пределы «заданной программы». Они копнут так глубоко, что потом никто не будет знать, как остановить разогнавшийся «следственный локомотив», и что Лукашенко придется это делать самому с помощью экстренного торможения, при этом нанеся со страху теперь уже окончательно непоправимый ущерб своей и без того сомнительной репутации. (Вспомним арест Павличенко и его экстренное, незаконное освобождение, а также увольнение Генерального прокурора Божелко и председателя КГБ Мацкевича).

Впрочем, больших проблем в раскрытии преступлений, совершенных бандой Игнатовича, у работников милиции не было, поскольку все преступления совершались грубо, нагло, без особых попыток скрыть обстоятельства их совершения, а также при наличии достаточного количества свидетелей. Складывалось впечатление, что члены банды

не особенно и опасались правосудия. По моему опыту, обычно так себя ведут преступники, либо недалекие по складу ума, либо имеющие очень высоких покровителей во властных структурах, во всяком случае, в силу каких-то «особых» заслуг перед Родиной, которые позволяют рассчитывать на такое покровительство.

После ареста Игнатович некоторое время содержался в ИВС ГУВД города Минска. До меня доходили слухи, что он дал согласие на указание места захоронения тела Завадского. На сколько эти сведения были достоверны, мне не было известно, да я, в общем-то, и не проявлял к этой теме особого любопытства. Но из практики я знал, что на пустом месте такие слухи не рождаются, тем более что исходили они от милицейских чинов довольно высокого ранга. И вдруг все утихло. Все разговоры о местонахождении тела Завадского прекратились. А когда Игнатовича привезли в СИЗО, то выяснилось, что он уже несколько дней отказывается от приема пищи и встреч с какими бы то ни было представителями следственных органов. Для меня ничего нового в поведении Игнатовича не было. Довольно часто лица, совершившие тяжкие преступления, особенно имеющие реальные шансы получить в виде наказания смертную казнь, ведут себя аналогичным образом, симулируя таким способом невменяемость и рассчитывая избежать ответственности. Но по делу Игнатовича в достатке было других свидетелей и соучастников, и с ними таких проблем не возникало. Как правило, в таких случаях преступное «братство» дает сильную трещину, и подельники довольно охотно беседают деятельность друг друга, при этом явно умаляя свои «заслуги». Особенно откровенны они бывают, когда оседа ведется «без протокола». В остальных случаях показания становятся предметом торга, особенно если в итоге выторговывается собственная жизнь. Я говорю об этом потому, что такие дела, как похищение человека, его убийство и захоронение тела, в одиночку не делаются. Я не помню случая, чтобы когда-либо у следователей при наличии как минимум двух обвиняемых возникали какие-то проблемы по установлению истины. А вот в деле Игнатовича такие проблемы возникли. И, судя по всему, не без посторонней помощи.

В раскрытии любого неочевидного преступления главную сложность всегда составляет определение круга подозреваемых. Затем путем проведения различных оперативно-следственных действий из этого круга выявляются уже конкретные лица, совершившие преступление. Дальнейший процесс доказательства вины носит чисто технический характер и для опытного следователя никаких трудностей не составляет. Говорю это как человек, выдавший на своем веку сотни людей, осужденных за убийства, где порой не имелось ни одного свидетеля, а количество улик было ничтожно мало. Тем не менее следователь, психологически и тактически грамотно построивший ход расследования, почти всегда добивался положительных результатов, устанавливая вину обвиняемого и добывая улики, используя показания самого обвиняемого. Короче говоря, не доказав вину человека, обоснованно подозреваемого в совершении преступления, можно только в одном случае - когда сам следователь не хочет этого делать. В деле похищения Завадского виновные в похищении установлены, их вина в этом доказана, они даже осуждены за это. Почему же следствие не пошло дальше? Потому, что к дальнейшему следственному процессу по розыску тела Завадского можно смело применять приведенную выше формулу: «следствие» не хотело этого делать. Я прекрасно знаю возможности оперативных аппаратов мест лишения свободы в деле раскрытия любых преступлений, а особенно в таких подразделениях, где содержатся осужденные к пожизненному заключению. Если начальнику учреждения, где содержится Игнатович, утром дадут поручение выяснить у него, где находится тело Завадского, то уже к обеду он будет иметь точное описание этого места, а к вечеру - подробный отчет, при желании даже в стихах. Я нисколько не преувеличиваю возможностей заведений такого рода в раскрытии преступлений. Это может подтвердить любой сотрудник такого учреждения, а также любой заключенный, содержащийся или содержавшийся в нем. Ведь только законных способов воздействия на осужденных, особенно в местах пожизненного заключения, больше чем рецептов приготовления блюд из картофеля в Белоруссии. Я лично знал не менее десяти человек из числа осужденных к длительным срокам заключения или смертной казни, которые абсолютно добровольно, я подчеркиваю - добровольно заявляли о своей причастности или прямом участии в убийстве бывшего председателя Гродненского облисполкома Арцимени. Причем мотивом явки с повинной являлось то, что всех устраивало новое следствие а, следовательно, и новый суд, который неизвестно чем может кончиться. Возможно, и в пользу подсудимого. Во всяком случае, отсрочка исполнения приговора была гарантирована. И это многих удовлетворяло. Я знал десятки случаев подтвержденных заявлений о совершенных ранее преступлениях, которые следователи умышленно «отсекали» или прекращали только потому, что у них истек срок следствия, и им не хотелось возиться с новыми эпизодами. Я знал сотни случаев, когда люди из различных побуждений брали на себя чужие преступления, и в тюрьме это считалось «нормой». Я видел сотни арестованных с телесными повреждениями, оставшихся при получении «признавательных» показаний во время «задержания», причем порой за незначительные преступления. Я знал десятки наказанных, а иногда и осужденных милиционеров, допускаящих запредельное насилие при получении «нужных» показаний и сведений, причем вполне искренне считавших, что таким образом они способствуют искоренению преступности.

Но мне известны также и десятки различных способов уклонения от ответственности. Назову самые главные или наиболее «продуктивные». Они бывают медицинского, юридического и «экономического» характеров. Заключенные и адвокаты знают их не хуже меня. Знают их так же и следователи. И если какой-то из способов «сработал», то можно смело сказать, что наступил консенсус между обвиняемым, защитой, и следователем – главной стороной этого треугольника. Конечно, по количеству заинтересованных сторон треугольник может преобразоваться и в квадрат, и в другой многогранник, но основной тактической или базовой единицей остается «треугольник». Я привожу эти философско-геометрические сентенции для того, чтобы подобным способом довести до здравомыслящих людей мысль, что именно такой консенсус сработал и в деле Игнатовича. Причем третьей стороной выступал не защитник, а Совет безопасности, в лице его государственного секретаря Шеймана, в последствии Генерального прокурора, а в настоящее время главы Администрации президента.

Почему так получилось? Постараюсь ответить и на этот вопрос, вернее - изложить свою версию этих событий. Дело в том, что поиск Завадского и его похитителей велся с искренними намерениями изобличить и наказать преступников.

На Игнатовича вышли сразу. К моменту задержания в арсенале его банды было столько трупов, помимо Завадского, что их вполне хватило бы на несколько смертных приговоров. Никаких проблем «расколоть» его на Завадского никогда не было. Их нет и сейчас. В какой-то момент это было сделано. Но здесь сработал страх. Страх Лукашенко. Вдруг выяснилось, что слишком близко тема похищения и убийства Завадского переплеталась с темой похищения и убийства Захаренко, Гончара и Красовского. Если говорить простым языком, то поиск тела Завадского неминуемо привел бы к обнаружению и других страшных находок. Я не утверждаю, что Игнатович причастен и к другим политическим убийствам, но смело могу заявить, что он и его «коллеги» весьма осведомлены об этом. И именно это обстоятельство явилось предметом торга. С ним была достигнута определенная договоренность: ему сохраняют жизнь, а он молчит о Завадском, об остальных убитых и их убийцах. Моё заявление опирается не на какие-то заумные размышления, а базируется на имеющихся у меня объективных данных и свидетельских показаниях, которые пока не попали в прессу и, надеюсь, до определенной поры не попадут. Теперь становится понятным поведение следователя Бранчеля, который не мог, не потеряв головы, выйти за пределы обозначенного ему следственного «коридора», по которому затем также послушно «протопал» и наш «неподкупный народный суд». Все это абсолютно понятно. На кону стояла судьба уже самого президента, а не только его холуев, во главе с Шейманом.

Таким образом, впервые в истории современного белорусского правосудия создан прецедент, когда государство в лице своих правоохранительных и судебных органов на глазах у всего народа, чтобы скрыть тяжкие преступления, совершенные правительственными чиновниками, вступило в преступный сговор с убийцами и негодями, подарив им жизнь в обмен на молчание. Это прозрение пришло ко мне гораздо позже, а тогда, в ноябре 2000 года, я вновь всецело полагался на состоятельность и порядочность белорусского МВД и нисколько не сомневался в «святости» действующей власти, то есть президента страны.

Вечером 22 ноября 2000 года СИЗО №1 посетил министр внутренних дел Наумов. Официальной целью его визита была встреча и беседа с Игнатовичем, его бывшим подчиненным и коллегой по службе в спецподразделении «Алмаз», а ныне убийцей нескольких человек и подозреваемым в похищении Завадского. Беседа состоялась в кабинете врача, куда Игнатовича принесли на носилках, так как он отказывался ходить сам. О чем говорил с ним министр неизвестно, так как разговор шел наедине. Но, покидая кабинет врача, Наумов уже на пороге, оглянувшись, сказал: «Лучше, Валера, вспомни, куда ты тело Завадского спрятал», после чего мы покинули режимный корпус и прошли в мой кабинет. У моего заместителя по оперативной работе Саевича был день рождения. Он приготовил чай, торт и бутылку шампанского. От шампанского Наумов отказался, а чай с тортом с удовольствием попробовал. Во время непродолжительного чаепития возник разговор о похищениях людей и лицах, причастных к этим преступлениям. Естественно, речь зашла об Игнатовиче. Наумов предупредил нас, что полагаться на «истощение» и его якобы физическую немощь не следует. Он воевал в Чечне и имеет хорошую физическую подготовку, поэтому все его «болезни» - симуляция и притупление бдительности. Как я понимаю, даже Наумов не был посвящен в суть консенсуса, достигнутого между Игнатовичем и Шейманом, и в тот период вполне искренне хотел «расколоть» его, используя старую дружбу и новые «министерские» возможности. Однако не сработало. Жизнь для Игнатовича оказалась дороже дружеских отношений с министром.

Далее разговор перешел на личность Павличенко. В присутствии заместителя я осторожно поинтересовался «судьбой» этого бравого командира. Наумов неожиданно сказал, что карьера Павличенко закончилась, и что сегодня вечером он будет арестован. Затем взглянул на часы (было примерно около 20 часов) и сказал, что ему пора идти, так как «процесс уже пошел». Я спросил, не нужна ли какая-нибудь помощь с моей стороны, на что Наумов ответил отказом и дал понять, что будут использованы силы и средства КГБ. После чего я проводил министра на улицу, и мы расстались.

Утро следующего рабочего дня началось с телефонного звонка министра. Он сказал, что Павличенко задержан, и что мне необходимо дать письменные показания по поводу знакомства с ним, а также случаев выдачи «расстрельного» пистолета по указанию бывшего министра МВД Сивакова. Детали мне разъяснит начальник криминальной милиции МВД генерал-майор милиции Лопатик, к которому я должен прибыть незамедлительно. Примерно через 15 минут я вошел в кабинет генерала Лопатика, который находился в хорошем, я даже сказал бы веселом настроении, хотя встретил меня упреками примерно такого содержания: «Что ж ты, полковник, пистолетами раскидываешься. Из них потом людей убивают, а нам, «операм», расхлебывать. Благо, что в МВД оперативная работа находится на высоком уровне, благодаря чему и удалось установить преступников. От меня требуется лишь письменное подтверждение выдачи пистолета и присутствия Павличенко при расстреле осужденных». Я, устроившись у приставного стола, начал писать рапорт, но затем, понимая, что документ требует указания точных дат и других конкретных ссылок, попросил разрешения дописать рапорт у себя в учреждении, где я имел возможность воспользоваться архивными и справочными документами. Лопатик разрешил, сказав только, чтобы я поторопился, так как он готовит документы для доклада президенту. Я вернулся к себе, достал из сейфа необходимые документы и стал писать рапорт. В этот период рядом со мной находились еще двое моих коллег, которых я посвятил в некоторые детали мероприятий, проводимых по разоблачению банды Павличенко и которые частично также приняли участие в составлении моего рапорта. Это очень порядочные и честные люди, и я сожалею, что пока не могу произнести их фамилии вслух без опасения причинить им вред. Примерно через час я представил рапорт Лопатику, который, наскоро пробежав по нему взглядом, вновь разразился тирадой о том, что только благодаря его проницательности и оперативному таланту удалось пресечь деятельность преступной группы Павличенко, а также исправить ошибки «некоторых полковников», которые снабжали преступников бесшумным оружием. Проглотив «пилюлю», я вернулся к себе.

На следующий день после ареста Павличенко я узнал от «источника», близкого к руководству Генеральной прокуратуры, что на видеокассетах, изъятых у него, запечатлены свидетельства издевательств и казни людей, среди которых были лица, считавшиеся исчезнувшими или пропавшими без вести.

Придет время и эта страшная видеотека сыграет свою роль в определении приговора негодяям. Напрасно они надеются, что попрытали все следы. Смею уверить, что все документы и предметы, необходимые для доказательства вины высокопоставленных отморозков, сохраниены и ждут своего часа.

Что касается поведения Лопатика, то могу сказать следующее: польщенный «доверием» Наумова, который привлек его «исторической» операции по обезвреживанию группы высокопоставленных преступников, и рассчитывавший на пост первого заместителя министра, он еще не знал, к какому печальному концу приведет его и других это «расследование». И, как это часто бывает у карьеристов и подонков, пытался «застолбить» еще пустые участки следствия и зафиксировать своё личное участие в разоблачении бывших и настоящих отцов-командиров. Итогом этой бурной «оперативно-розыскной деятельности» и явился его знаменитый рапорт на имя министра Наумова о преступной группе Шеймана, Сивакова, Павличенко. Надо сказать, что Лопатик все-таки не очень доверял оперативной информации и решил проявить оперативно-литературный талант только после подтверждения оперативных данных признательными показаниями Павличенко. Иначе он сделал бы это гораздо раньше. К сожалению, работа над этим «историческим» документом, именуемым рапортом, истощила нравственные силы, питавшие благородный порыв бравого генерала. Его «беспримерный» в истории МВД личный «героизм» после вмешательства президента почему-то очень быстро иссяк, и все его дальнейшие поступки уже мало соответствовали образу последовательного, высокоидейного, непримиримого борца с криминалом, что, впрочем, характерно и для других высокопоставленных милицейских чинов.

Но вернемся к событиям, произошедшим в последующие дни после ареста Павличенко. На следующий день, 24 ноября, утром вновь раздался звонок Наумова. Он сказал, что мне необходимо дать показания следователю прокуратуры. Для этого мне надо к 10 часам прийти в МВД. В указанное время я прибыл в министерство, и дежурный милиционер проводил меня в комнату для допросов, расположенную на первом этаже здания. Там меня уже ждал следователь Казаков. Допрос начался, как обычно, с соблюдения всех формальностей и продолжался более двух часов. В ходе допроса следователь выяснял подробности деятельности специальной группы, которую я возглавлял, а также различные детали процедуры исполнения смертных приговоров. По окончании допроса мы со следователем прошли ко мне в СИЗО, где он в присутствии понятых изъясил «расстрельный» пистолет и книгу учета выдачи оружия, в которой имелись отметки о двукратной выдаче этого пистолета по распоряжению министра. Вновь позвонил Наумов и спросил, видел ли я по телевизору «новости». Я ответил, что только что прибыл с допроса и «новостей». Естественно, не смотрел. Он сказал, что надо обязательно посмотреть, мол, там много интересного. Я включил телевизор, и узнал об отставке секретаря Совета безопасности Шеймана. Мотивы отставки не указывались, но я испытал неопишное чувство удовлетворения. Теперь, разумеется, думал я, на очереди были арест Сивакова и других членов банды, а дальше - рутинная следственная работа. В состоянии эйфории прошли ещё сутки. Во всех структурах правоохранительных органов тема отставки Шеймана и ареста Павличенко была самой популярной. Все понимали, что снятие опостылевшего всем «без лести преданного» тупицы с поста секретаря Совета безопасности - это и смена курса, во всяком случае, во внутренней политике государства. Вмешательство Совета безопасности во все сферы правовой, хозяйственной, таможенной, торговой деятельности государства породило невиданную коррупцию. Взятки в Совет безопасности и Администрацию президента текли рекой. Брали со всех. Начиная со старушек, торговавших семечками, и заканчивая матерыми бизнесменами. Если президент желает узнать о деятельности своего холуя №1 поподробнее, то я могу оказать ему такую услугу и даже пока что не публично, так как открытая информация может повредить её источникам. Но даже если и не желает, то это все равно будет известно, но только несколько позже и видимо в более широких масштабах.

Чтобы не возникало сомнений, что я располагаю информацией, компрометирующей высших должностных лиц государства, поясню. Являясь начальником СИЗО-№1, я был и начальником оперативного аппарата этого подразделения. Десять оперативных работников денно и ночно работали по обеспечению органов МВД, КГБ и прокуратуры информацией о преступной деятельности не только лиц, заключенных под стражу, но и тех, кто попадал в поле зрения оперативников на свободе. Все потоки оперативной информации сходились в одном месте - у руководителя СИЗО. И именно начальник или его заместитель по оперативной работе определял их дальнейшую судьбу, решал кому и в каком объеме сообщать сведения, представляющие «оперативный интерес». Так что жизнь научила «фильтровать» информацию и определять своевременность её применения. Скажите, ну кто поверил бы в 2000 году, на пике всевластия Шеймана, какому-то арестанту, «проболтавшемуся» в камере, что ему известны случаи получения взяток в несколько десятков, а то и сотен тысяч долларов некими господами, возглавлявшими лицензионные направления в Администрации президента и в Совете безопасности. Я пока не привожу примеры, в которых содержатся конкретные должности и фамилии. Но вот что говорил по этому поводу предприниматель и бизнесмен Александр Цудиков, ставший когда-то жертвой бессовестной государственной политики, и лично господина Шеймана. Привожу его слова дословно: «Так получилось, что жизнь меня столкнула лицом к лицу с людьми, которые в последствии стали достаточно известными: Гончар, Красовский, Леонов, Старовойтов, Титенков, Кебич, Кудинов, Климов и другие. Люди эти совершенно разные, порой не знакомые друг с другом лично. Встречался я с ними в разных ситуациях и по разным поводам, хотя в основном меня в то время интересовала только моя коммерческая деятельность, поэтому все крутилось вокруг этого. Я был далек от политики, хотя общение с людьми, посвятившими себя этой сфере, разрушило мои иллюзии о государстве, о власти. Не знаю, как это происходит в других странах, но ситуацию в Белоруссии 94-97 годов, на мой взгляд, можно определить, как борьба за финансовые потоки, то есть борьба за деньги и все, что с этим связано. Никакими политическими целями, никакими заботами о народе там и не пахло. К власти пришла группа людей, при чем неожиданно даже для себя выигравших эту борьбу, наглых, беспринципных, жадных, но главное - без «тормозов». Нет, нам и до них приходилось выплачивать госчиновникам «доли» и разные разовые выплаты за различные услуги в размерах 100 тысяч долларов и более, например, за получение лицензий. Но с приходом к власти Лукашенко все изменилось. Не знаю, чье это изобретение, но, скорее всего, позаимствовали из опыта криминальной среды. Там это называется «общак», а

чиновники организовали специальные внебюджетные фонды (реально это были просто расчетные счета фирм, подконтрольных, в моем случае, Титенкову), и стали, кроме наполнения своих собственных карманов, активно направлять финансовые потоки в эти так называемые спецфонды. В частности, Иван Иванович Титенков за содействие в нашем нелегком алкогольном бизнесе предложил до 30% от прибыли перечислять на особые счета. Кто этими счетами распоряжался, на что тратились эти деньги пока не известно широкой общественности. Но особенно активизировались чиновники накануне различных выборов и референдумов. Нас просили предлагать помощь своим знакомым коммерсантам взамен за покровительство и доступ к различным льготам «всего» за 10% или «кто сколько может». На мой взгляд, главными поставщиками средств в «общак» или во внебюджетные фонды, как это принято официально называть, были структуры, подконтрольные Титенкову. Конечно же, чиновники, контролирующие эти структуры, тоже жирели. Но была еще одна группа людей, доведенная прежним руководством страны, в частности, правительством Кебича, до нищенского существования, - это органы внутренних дел и другие силовые структуры. Какие только услуги они не предлагали коммерсантам в надежде заработать хоть какие-то деньги: охрана объектов, сопровождение криминальных грузов и так далее. При чем за гроши. Они смотрели на зажавшихся чиновников, и, естественно, их все происходящее не устраивало. Зарождался новый «клан», причем дерзкий, решительный и главное - имеющий большие полномочия и возможности. Линия борьбы между кланами прошла между Виктором и Иваном (так белорусы называли руководителей высшего ранга страны Шеймана и Титенкова). Мне и моим партнерам по бизнесу не повезло, мы оказались на этой самой линии, при чем и те, и другие просили по 30% от прибыли в обмен за покровительство и практически бесконтрольную деятельность в нашей сфере, т.е. в сфере переработки зерна в спирт и в дальнейшем производстве из него водки. Интересно, что линия разделения сфер влияния прошла не только между различными структурами, но и внутри некоторых из них. В частности, в налоговые службы были внедрены (прикомандированы) работники милиции, причем в ранге заместителей начальников налоговых инспекций, которые возглавили соответствующие отделы налоговой милиции. Это уже была не линия, а настоящий фронт. Война шла на всех уровнях, в ход шло все: заявления друг на друга в разные структуры, неподчинение, взаимные угрозы. Естественно, доставалось и коммерсантам с одной и с другой стороны. Вот характерный пример того времени: для того, чтобы нас «нагнуть», налоговая полиция по Минской области в лице Голоколенко начала незаконные (впоследствии это было доказано в суде) аресты имущества, принадлежащего нашей компании. Мы, естественно, попросили защиты у людей, которые привыкли от нас получать квартиры, машины, мебельные гарнитуры и деньги, то есть налоговых инспекторов. И вот собирается заседание налогового комитета по Минской области, и его начальник указывает своему заму Голоколенко на недопустимость незаконных арестов и требует немедленно вернуть имущество. Тот команду не выполняет и обвиняет руководство налогового комитета в коррупции. В ответ начальник обвиняет Голоколенко, предъявляя ему то, что он передал часть конфискованной алкогольной продукции своей любовнице - руководителю одного из минских магазинов, а также в том, что деньги от реализации этой продукции не поступили в бюджет. Эпизоды из этого противостояния «просочились» даже в некоторые газеты, в частности, описаны в газете «Народная воля». Спор на этом уровне решить не удалось, и мы вынуждены были обратиться к Лукашенко и Титенкову. Титенков вызвал председателя налогового комитета республики и предупредил, что если не отстанут от наших компаний, то его уберут как не справившегося со своими обязанностями. Но начальник комитета уже ничего не мог сделать, потому что у него на то время тоже был заместитель, прикомандированный из другого клана, быстро набравшего силу. Шла война.

В то время мы занимались, как я уже говорил, поставкой в республику зерна с последующей его переработкой в спирт. Титенков позвонил своему брату в Кличев и поручил пристроить нас на заводы Могилевской области. В каждой из областей правила переработки были свои, вернее они были общими для республики, но с собственными дополнениями в каждой области, которые порождали дополнительную коррупцию. Так как перерабатывающих мощностей не хватало, то шла борьба за каждый завод. Захват территорий шел разными путями: кто-то подкупал, кто-то угрожал расправой, кто-то пользовался своим высоким положением, кто-то делал это при помощи проверок на предмет правильности начисления налогов. Так, на Бобруйский гидролизный завод с проверкой приехал ранее упоминаемый мною Голоколенко. Произошел передел собственности, руководство завода, работающее на другие структуры, было арестовано, на завод были заведены другие коммерческие фирмы, работающие под крышей Совета безопасности и налоговой милиции. Весь этот беспредел был известен министру сельского хозяйства Леонову и начальнику Госконтроля по Могилевской области Миколуцкому, которые каждый на своем месте пытались навести порядок. Но одного убили, а второго обвинили в организации этого убийства. Я могу только предполагать, но чиновникам и их коммерсантам эти люди уже помешать не могли, нас и так не было на заводах. Помешать они могли только организованным преступным группировкам, одетым в мундиры с погонами. Только они могли столь профессионально убрать с дороги одного, а свалить вину на другого. На похоронах Миколуцкого Лукашенко на весь мир заявил, что скоро все ужаснутся, узнав, как на их любимого президента готовилось покушение, и что республиканская мафия свила свое гнездо в Бобруйске, а жил этот спрут за счет реализации спирта с Бобруйского гидролизного завода. Однако это, как всегда, оказалось только словами, а на заводе теперь работают фирмы, приносящие доход победившему клану. Последнее серьезное столкновение между кланами состоялось в ноябре 2000 года, когда попытались отстранить от власти Шеймана. Но он всех обыграл и стал Генпрокурором. Это и было окончательной победой его клана, победой, приведшей страну, на мой взгляд, к геноциду белорусской нации. А как еще назвать время, когда цвет нации пропадает, а кто не пропал, тот гниет в тюрьмах или уезжает из страны поднимать экономику соседних государств.

Когда-то жизнь меня свела с известным политическим обозревателем Цветовым, прожившим в Японии около 15 лет. Он говорил о том, что страна с ее людьми - это как большой сосновый бор, где растут высокие сосны, из которых можно делать корабельные мачты. Но если постоянно хорошие деревья вырубать, то постепенно лес преобразуется в гнилое болото с кривыми, убогими деревьями и возродить здоровый лес если когда-нибудь и удастся, то на это уйдет не один десяток лет. Как это мне напоминает сегодняшнюю Белоруссию, мою родину».

Это рассказ белорусского предпринимателя Александра Цудикова. С остальными примерами пока воздержимся. Все мое время. Однажды все подобные сведения придутся, как говорится, в строку, если, конечно, действующий президент не перехватит инициативу и во время очередной кадровой «прополки» не пересажает своих «друзей» сам.

Надеюсь, я доступно объяснил источники своей осведомленности. И пусть никого не смущает давность получения информации. Ее характер и масштабы таковы, что она по своей актуальности переживет еще не одно поколение и будет востребована при любой власти.

Но вернемся к событиям ноября 2000 года. Утром 27 ноября неожиданно раздался телефонный звонок руководителя следственной группы по делу Игнатювича, сотрудника Генеральной прокуратуры Бранчеля. Спросив у меня, буду ли я в ближайшее время на рабочем месте, и получив утвердительный ответ, он сказал, что ему необходимо срочно повидаться со мной и что он сейчас подойдет. Я сказал, что буду ждать его. Примерно через пятнадцать минут в кабинет заскочил запыхавшийся Бранчель с «дипломатом» в руках. Он выглядел каким-то испуганным и растерянным. В кабинете в это время находился мой заместитель по оперативной работе Саевич. Бранчель спросил меня, может ли он вести разговор при Саевиче, на что я ответил утвердительно. Тогда он открыл дипломат и достал из него мой «расстрельный» пистолет и журнал учета выдачи оружия, изъятые у меня накануне. Затем попросил меня написать расписку в получении оружия. Я написал расписку в получении пистолета и спросил, что происходит, почему возвращены «вещдоки»? Бранчель как-то тоскливо посмотрел на меня и Саевича и сказал, что указом президента Генеральным прокурором республики назначен В.Шейман. Затем он попросил, чтобы я «забыл» о том, что меня кто-то допрашивал и изымал у меня оружие, иначе это может плохо кончиться, как для меня, так и для него. Я сказал, что забывать ничего не намерен, так как никакой вины за собой не чувствую и что имею свое мнение на этот счет. Он не стал меня больше убеждать, быстро попрощался и ушел. Мы же с Саевичем, «ошарашенные» такой новостью, долго не могли прийти в себя. Мы никак не могли понять, что происходит в нашей стране? Как же так получилось, что человек, о котором три дня вся страна говорила, что он преступник, назначается руководителем самого главного карательно-правового органа государства. Едва дождавшись времени «новостей», я включил телевизор и из уст самого Лукашенко услышал подтверждение слов Бранчеля. Более того, я узнал, что президентом пресечена попытка государственного переворота, в связи с чем в отставку отправлены Генеральный прокурор Божелко и председатель КГБ Мацкевич. Павличенко же освобожден из СИЗО КГБ и объявлен народным героем, который чуть не стал жертвой вражеских происков и интриг. Наумова, как ни странно, президент не задел даже словом. Трудно описать состояние, в котором я находился в первое время после просмотра теленовостей. Однако довольно быстро пришел в себя и стал думать, что же делать дальше. Я понимал, что Шейман при всей его, мягко говоря, неумности все-таки догадается провести небольшое внутреннее расследование, чтобы уяснить для себя источники происхождения предъявляемых ему обвинений. Да ему и не нужно будет шибко напрягаться. Подхалимы сделают свое дело, и уже завтра ему будет известно, кто, когда и в каком объеме «загрузил» секретаря Совбеза тяжкими подозрениями? Какова будет его реакция? Какие последствия наступят для свидетелей? Это были риторические вопросы. Правда, оставалась надежда на Наумова. Ведь он уцелел, хотя, по моему мнению, проявлял вполне достаточную активность в разоблачении преступной «тройки» и должен был разделить судьбу Божелко и Мацкевича. Кто знает, на каких условиях «батька» сохранил ему «жизнь»? Однако в любом случае, с ним все равно следовало переговорить. Набрал номер приемной Наумова, я представился и попросил доложить министру, что прошу назначить мне встречу. Девушка-секретарь ответила, что министр отсутствует, но она доложит ему о моей просьбе. Не прошло и полчаса, как позвонила секретарь министра и сказала, что он примет меня завтра в 11 часов утра. Вечером, возвращаясь домой, я заметил за собой наружное наблюдение. Но большого значения этому не придал, так как на фоне произошедших событий это была такая мелочь, что на нее не стоило обращать внимания.

На следующий день в назначенное время я вошел в кабинет министра. Наумов встретил меня доброжелательно и даже несколько виновато. Вообще он выглядел смущенным и, как мне показалось, подавленным, хотя изо всех сил старался этого не показать. Но неуверенный голос и вялость в движениях выдавали его состояние. Как бы предваряя мой вопрос, он сказал: «Понимаешь, как все вышло. Одни люди искренне борются с преступностью, а другие только спекулируют информацией и используют ее для устранения политических соперников». Мне показалось, что он говорит какими-то заранее заготовленными фразами, явно рассчитанными на еще чьи-то уши. Поэтому я не стал задавать никаких волнующих меня вопросов, за исключением одного: что мне следует ожидать после всех произошедших событий и почему за мной установлено наружное наблюдение? Наумов ответил, что я нахожусь под его опекой, и никаких проблем у меня не будет. А насчет наружного наблюдения он разберется, так как ему об этом ничего не известно. Лично он такого поручения спецслужбам не давал. Но, возможно, это действуют спецслужбы других ведомств. Во всяком случае, опасаться мне нечего и некого.

На этом наш разговор закончился. Попрощавшись, я покинул здание МВД и пошел в СИЗО. Я доверял Наумову и понимал, что ему сейчас очень непросто. Я также понял, что он действовал самостоятельно и президента ни во что не посвящал. Видимо, рассчитывая на то, что, столкнувшись с неопровержимыми фактами преступной деятельности Шеймана, Сивакова и Павличенко, он отреагирует на это соответственно, со свойственной ему решительностью и принципиальностью, не взирая на дружеские или какие-либо иные отношения с обвиняемыми. Он обязан в интересах правосудия, гарантом которого является по должности, перешагнуть через любые личные обстоятельства. Ведь так должно быть в нормальном государстве с нормальным президентом. Точно так же думали Божелко и Мацкевич и тоже жестоко ошиблись, что для них было непостижительно. Уж они-то обязаны были знать «сильные и слабые» стороны «вождя», подверженность его чужому влиянию, зависимость от ближайшего окружения, степень его личной причастности к похищению и уничтожению политических противников. Не располагая такой информацией, не стоило и заваривать всю эту кашу, так как все было заведомо обречено на провал.

Учитывая такую реакцию президента на обвинение его ближайших «соратников», он имел самое непосредственное отношение к их преступной деятельности. Во всяком случае, встав на откровенную защиту высокопоставленных

преступников, грубо поправ при этом конституционные и уголовно-правовые нормы государства, он, имевший до этого предположительно весьма косвенное, незначительное, практически не доказуемое отношение к произошедшим событиям, моментально превратился в соучастника, а точнее – в организатора и идейного вдохновителя. При этом свой выбор он сделал сам. Ведь у него была возможность не препятствовать ходу следствия, признать свои ошибки в подборе и расстановке кадров, в излишней «доверчивости» и наивности и попросить прощения. Народ бы ему поверил. Преступники понесли бы заслуженное наказание, а Лукашенко мог начать свою деятельность с чистого листа. Но он не пошёл на это. Причина могла быть только одна: он действительно являлся организатором и вдохновителем серии политических убийств. И увяз в этом процессе так глубоко, что имея он хотя бы небольшой шанс выйти сухим из воды, он бы его непременно использовал, без раздумий пожертвовав такими фигурами, как Шейман, Сиваков и Павличенко. Но вся беда в том, что они уже успели основательно подцепить его на «крюк». Когда допрашивали Павличенко из его уст в первую очередь зазвучала фамилия Лукашенко как главного лица, отдававшего преступные приказы. Видимо, свежи ещё были в памяти оршанского «героя» воспоминания о сцене расстрела приговоренных к смертной казни, которую он не так давно с восторгом наблюдал. И в нехорошем предчувствии заныл его хорошо выбритый затылок. А поэтому, правильно оценив ситуацию и представив себя на месте одного из участников этой ужасной процедуры, Павличенко не стал размениваться в своих показаниях на таких пешек, как Сиваков и Шейман. Он понимал, что их головы, так же как и его собственная, уже ничего не стоят (ведь арестовывал его не участковый инспектор, а сам председатель КГБ), и все зависит от реакции на сложившуюся ситуацию только одного человека - «батки». Как ни старались следственные органы умолчать о «чистосердечных» заявлениях Павличенко, ничего не вышло. Информация просочилась сначала в коридоры прокуратуры и КГБ, а затем, обрастая различными слухами и деталями, вырвалась на «оперативные просторы» города Минска. И Лукашенко спасовал. Он испугался, что, будучи арестованными, его друзья не сумеют вести себя «достойно», то есть взять всю вину на себя и оградить своего президента от сплетен, интриг и других происков оппозиции, пытающейся любыми путями очернить светлый президентский путь. В своих сомнениях Лукашенко был абсолютно прав. И допрос Павличенко только подтвердил его опасения. Но можно понять и Сивакова с Шейманом и Павличенко. Ради чего они должны идти под расстрел, когда были уверены, что выполняли всего лишь распоряжение главы государства. Вопросы законности таких распоряжений их мало волновали. Они люди военные, а по уставу всю ответственность за последствия выполнения приказа или распоряжения несет командир его отдавший. Так какие же сомнения для «солдата» могут вызывать приказы, отданные самим Верховным главнокомандующим?

В общем, так или иначе, но теперь есть все основания полагать, что в результате грубого, хамского, антиконституционного вмешательства президента в судебно-следственный процесс и был совершен антиправовой государственный переворот. Когда злой волей одного человека, одним махом были полностью уничтожены все механизмы сдерживания и противовесов органов государственной власти и управления и открыт путь к безудержному тоталитаризму. Можно смело сказать, что 27 ноября 2000 года мы все проснулись в другом государстве. Но самое омерзительное то, что все было сделано с молчаливого согласия наших «народных избранников», среди которых было достаточно много юристов, да и просто людей в свое время занимавших высокие государственные посты в МВД, КГБ, прокуратуре. Уж они-то прекрасно понимали, что происходит, и во что трансформируется власть. Именно они своей трусостью породили этого «мутанта» от власти по фамилии Лукашенко, при этом сами стали такими же мутантами. Вообще покладистость всех так называемых «ветвей власти» в отношении, мягко говоря, «причуд» президента поразительна. Или как можно объяснить награждение в августе 2004 года командира бригады Внутренних войск МВД Павличенко второй по значению наградой России - орденом Святого равноапостольного князя Владимира. Награждение было произведено Русской православной церковью по личному ходатайству Филарета перед Патриархом всея Руси Алексием Вторым. Еще раз напомню, что Павличенко является одним из главных подозреваемых в похищениях и убийствах людей, обвинения в отношении которого официально озвучены Парламентской Ассамблеей Совета Европы как раз накануне награждения. Может быть, гражданин Филарет газет не читает или вообще далек от светской жизни? Но ведь точно известно, что по этому поводу член юридической комиссии ПАСЕ господин Х. Пургуридес ему лично официальное письмо посылал, в котором протестовал против такого поощрения Паличенко.

ФРАГМЕНТ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

ВСЯ ЖИЗНЬ - ТЮРЬМА

Какие известные политические деятели содержались в Минском СИЗО? Что вы можете о них рассказать?

В Минском СИЗО содержались пятеро известных политических деятелей. Это бывший премьер-министр Чигирь, бывший министр сельского хозяйства Леонов, депутат Верховного Совета Климов, лидер Социал-демократической партии Статкевич и депутат Верховного Совета Щукин. Содержались и другие известные в Белоруссии лица, но к политике они не имели никакого отношения. Чигирь, Леонов, Статкевич и Щукин вели себя достойно. Они сразу усвоили простые тюремные правила, и у них не было проблем ни с сокамерниками, ни с администрацией. Правда, Статкевич и Щукин провели в СИЗО только две недели, но опытные сокамерники характеризовали их положительно. Со Статкевичем я виделся только один раз по поводу объявленной им голодовки. А со Щукиным мы виделись несколько чаще. Я знал, что он большой мастер писать репортажи о спецприемнике, где он довольно часто отбывал административные аресты. Естественно, что он, как и всякий нормальный арестант, не пылал особой любовью к такого рода заведениям, и все его публикации на арестантские темы были пропитаны хоть и справедливой, но довольно злой критикой. В СИЗО Щукин тоже вел дневник и намеревался опубликовать свои впечатления от ареста.

Я не имел ничего против этого, но единственное, о чем я попросил Щукина, это показать мне черновик его репортажа, причем лично в его, Щукина, интересах. Дело в том, что Щукин, описывая камерный быт, часто увлекался и затрагивал темы, о которых в «определенных кругах» говорить не принято. Но если в спецприемнике, где ранее отбывал наказание Щукин, его соседями по камере были обычные «мирные» люди, вроде хулиганов, дебоширов и мелких воришек, то в СИЗО содержится «клиентура» серьезнее. Не всем может понравиться описание процедуры отправления естественных надобностей или каких-то других мероприятий «интимного» характера. Не принято жаловаться и на трудности, связанные с условиями содержания. «Зэки» называют тюрьму своим домом, а о доме говорить гадости не принято. Вот такой простой является тюремная философия, и не считаться с ней нельзя. Я объяснил все это Щукину, и он меня понял. Его публикации стали более сдержанными и объективными.

Вспоминаю забавный случай, произошедший в день прибытия Щукина в СИЗО. Я пригласил его на беседу в кабинет оперативного работника Воробья. Во время беседы с заключенными я всегда предлагаю им чай. Предложил чай и Щукину. Он не отказался. Я увидел, что он голоден и предложил перекусить. Он согласился. Воробей нарезал немного сала, и Щукин с удовольствием пообедал. У меня не было никакой скрытой цели по отношению к Щукину. Просто он был мне симпатичен как человек, и мне было приятно с ним общаться. Мы пили чай и вели неторопливый разговор. В этот момент мне принесли заявление Белорусского Хельсинкского комитета, в котором говорилось, что заключенный Щукин, находясь в СИЗО, в настоящее время подвергается пыткам и унижениям. БХК требовало немедленно прекратить произвол и допустить к Щукину его представителей. Самое интересное в этом документе было то, что члены БХК утверждали, будто имеют в отношении Щукина абсолютно достоверную информацию. Я показал документ Щукину и спросил его, как мне быть. С каких пор чай и сало стали в Белоруссии пыточными средствами? Я видел, что Щукину было неловко за своих «коллег» и свел дальнейший разговор к шутке, хотя лично мне было не до смеха. Я знал, что такие же бумаги разосланы и во все официальные государственные инстанции и многочисленные общественно-правовые организации, в том числе и зарубежные. И мне придется потратить не мало времени и сил на объяснения и «отписки». Но все обошлось. Видимо, Щукин своевременно переговорил со своим адвокатом, и его друзья отозвали своё заявление. Вскоре Щукин и Статкевич были освобождены. Надо сказать, что Щукин оказался достойным «каторжанином». Через день после освобождения он принес передачу своим сокамерникам, а со мной за сало «рассчитался» по-офицерски: мы провели с ним несколько часов за бутылкой водки, которую он принес с собой.

С Чигирем, который провел в СИЗО длительное время, я встречался довольно часто. Встречи были и официальные, и неофициальные. В вопросы политики я сильно не вникал, но интуитивно чувствовал, что раз в тюрьме находятся такие люди как Чигирь, то в стране происходит что-то неладное. Ведь для обеспечения судебного-следственного процесса было вполне достаточно избрать в отношении его такую меру пресечения, как «подписка о невыезде». Поэтому его арест имел только одну цель - устранить Чигиря как опасного политического соперника и сломать его как человека. Но Чигирь не сломался. Ни покаяния, ни раскаяния я не наблюдал. Я видел только решимость продолжить борьбу. И он победил. Он выстоял. Он не вымаливал себе прощения, а терпеливо ждал суда. Он знал, что суд будет несправедливым, что оправдательного приговора не будет и тем не менее упорно шел именно к этой своей цели. Ведь ему нужно было всего-навсего подать один маленький, неуловимый, но понятный «батьке» сигнал: «я с тобой». И через пять минут он был бы на свободе и, возможно, даже восстановлен в прежней должности. Именно к этому его и подталкивало следствие. Но он не пошел на сделку с совестью. Такой поступок требует от человека большого мужества. Ведь он не скрылся за границей, как это сделали некоторые его бывшие коллеги, «хапнувшие» миллионы, сбежавшие за рубеж, где сразу же стали видными политическими деятелями, гонимыми за «правду». Он добился судебного разрешения своего вопроса, которое показало всему миру, кто есть кто. Несомненно, что этот приговор когда-то будет отменен, но даже сейчас Чигирю нечего стыдиться. Наоборот, он имеет полное право гордиться своим прошлым, в том числе и тюремным. Несомненно, что одним из источников его мужества и стойкости была активная поддержка его жены Юлии Чигирь, которая почти ежедневно навещала своего супруга и, можно сказать, разделила с ним срок его содержания под стражей.

С Леоновым я встречался реже, но могу сказать, что это тоже был стойкий и волевой человек. Он также сохранил своё достоинство и остался не сломленным. Обвинения, предъявляемые ему, были абсурдны по своей сути и даже в самые суровые, сталинские времена вряд ли «потянули» бы даже на пятнадцать суток ареста. Но белорусский суд «усмотрел» в действиях бывшего министра состав очень серьезного преступления и отмерил ему четыре года лишения свободы. Обвинялся Леонов в получении взяток в виде колбасы и других продуктов, с которыми к нему приезжали различные просители. Поэтому приговор Леонову также когда-то будет отменен за отсутствием состава преступления. Так что ему, как и Чигирю, абсолютно нечего стыдиться. Стыдиться должны судьи, выносившие «заказные» приговоры, и различного рода холуи.

Высшая мера наказания. Как вы лично к ней относитесь? Как заключенные воспринимают такой приговор? На ваш взгляд, какое наказание страшнее: «вышка» или пожизненное заключение?

Начну с ответа на второй вопрос. Страшнее смертного приговора наказания нет. Любое наказание, кроме лишения жизни, дает человеку надежду на какое-то снисхождение, и самое главное, оставляет ему право умереть собственной смертью. Не важно где, не важно как, а важно то, что смерть будет без насилия, без ужасного состояния, вызванного её постоянным ожиданием, доводящие человека до безумия. Не верьте тому, кто говорит, что лучше бы его казнили, чем жить в условиях пожизненного заключения. Лично я таких «героев» не встречал, хотя неоднократно видел по телевизору и читал о них в СМИ. Сам факт такого заявления говорит о неискренности «заявителя». Ведь никто не отнял у него права распорядиться своей жизнью по своему усмотрению? Так что же мешает такому «пессимисту» смастерить для себя удавку или полоснуть лезвием по «яремной» вене? Мешает одно - страстное желание жить. Жить при любых обстоятельствах, в самых нечеловеческих условиях, без рук, без ног, без глаз, без пищи - но жить, жить, жить. И этим сказано всё. Даже за минуту до смерти, до того самого страшного момента, когда приговоренному к

смертной казни объявляют, что ему в помиловании отказано, в его безумных глазах теплится надежда.

Я не помню случая, чтобы кто-то из преступников, приговоренных к смертной казни, на судебном заседании просил суд определить ему именно исключительную меру наказания. Бывали случаи отказа от «последнего слова», от написания кассационных жалоб и прошения о помиловании. Но это, как правило, было следствием психического надлома человека, вызванного продолжительным стрессом и не отражающим истинное отношение приговоренного к своему приговору.

Как правило, человек, услышавший в отношении себя смертный приговор, впадает в протрацию. Он практически невменяем. Он что-то говорит, отвечает на вопросы, но все это происходит подсознательно, без осмысления сказанного. Его психическое состояние не с чем сравнить. Разве что с состоянием осужденного уже перед исполнением приговора, когда открываются двери камеры, и он понимает, что за ним пришли в последний раз.

Полное же осмысление сущности вынесенного приговора приходит к приговоренному к смертной казни только через несколько дней после того, как он будет переведен в камеру «смертников». Тогда борьба за сохранение жизни наполняется новым смыслом и входит в предпоследнюю фазу.

Сначала, в срок не позднее чем через семь дней с момента получения приговора, приговоренный к смертной казни имеет право подать кассационную жалобу на вынесенный в отношении него приговор. Параллельно на этой заключительной стадии судебного разбирательства наблюдается также некоторая активность адвокатов и близких родственников. В томительном ожидании, которое длится несколько месяцев, осужденный и его родственники ждут решения суда последней инстанции. Как правило, приговоры оставляют без изменения. В мою бытность начальником Минского СИЗО №1 я помню только два случая отмены смертного приговора Верховным судом. Оставление приговора без изменения, это новый страшный удар по нервам приговоренных к смертной казни. Но есть ещё один маленький шанс - надежда на помилование главы государства, то есть президента. В этом случае рассмотрение материалов уголовного дела происходит независимо от подачи ходатайства о помиловании. Президентом рассматриваются дела абсолютно всех «смертников», и в итоге он лично принимает одно из двух решений: либо применить помилование, либо отказать в нем.

На моей памяти с введением в Белоруссии поста президента и избранием на этот высокий пост Лукашенко, был помилован только один человек. Смертная казнь ему была заменена двадцатью годами лишения свободы. Лукашенко безжалостен.

С момента вынесения вердикта Верховного суда и подачи ходатайства о помиловании наступает последняя, завершающая фаза борьбы «смертника» за сохранение жизни. На этой стадии наибольшую активность проявляют родственники осужденного. Они заваливают различными заявлениями, просьбами и жалобами все мыслимые и немыслимые инстанции. Они подключают к процессу борьбы за сохранение жизни своего нерадивого, но от этого не менее любимого родственника всевозможных влиятельных в их понимании лиц. Такими, как правило, являются известные и малоизвестные писатели, артисты, спортсмены, религиозные деятели и просто хорошие соседи. В свою очередь приговоренные к смертной казни пытаются максимально воздействовать на своих несчастных родственников и повисить их «активность» в деле сохранения ему жизни различными способами. Однажды мне дали письмо одного приговоренного к смертной казни, которое он приготовил для нелегальной отправки родителям в Россию. Я знал его родителей, это были очень порядочные люди. Они ежемесячно приезжали к нему на свидание. И если отец из последних сил сдерживал свои эмоции, то матери это было не под силу. Это была сломленная, морально изувеченная страданиями женщина. Я при каждой встрече терпеливо озвучивал ей специально разработанную для родственников версию, касающуюся дальнейшей судьбы приговоренных к смертной казни. Я говорил, что приговор носит формальный характер, что сейчас уже никого не расстреливают. Осужденных к смертному приговору используют на специальных секретных предприятиях с вредным производством, где они достаточно долго живут. Говорил, что эти предприятия находятся в России, и ее сын, скорее всего, поедет туда. Мне трудно сказать, верили ли родственники приговоренных к смерти людей в нашу «легенду», но во всяком случае какая-то надежда на то, что расстрела не будет, у них оставалась. Надежда - великое дело, особенно в таких тупиковых ситуациях, когда выбора просто нет.

Так вот, в своём письме матери этот осужденный в самых ярких красках расписывал, что вскоре его положат на операционный стол, где заживо, без наркоза «разберут» на органы, которые за валюту продадут для трансплантации. И во всем этом будет виновата только она одна, потому что не сумела добиться приема у президента и убедить его в невиновности сына. Письмо, конечно же, было уничтожено, и несчастная мать не узнала о его содержании. Призывать же к совести человека, которому к тому времени оставалось несколько дней жизни, было бессмысленным занятием.

За два дня до расстрела соучастник этого осужденного, так же приговоренный к расстрелу, неожиданно сделал письменное заявление о том, что в совершенных ими преступлениях - убийстве нескольких человек - виновен он один, и что он просит расстрелять только его одного. Заявление было написано на моё имя, и я встретился с этим осужденным. Я объяснил ему, что не уполномочен отменять или изменять приговор Верховного суда и спросил, что побудило его, рьяно отрицавшего на суде свою вину, вдруг так резко изменить свои показания? Он ответил, что действительно его вина гораздо меньше, чем вина его «подельщика», и что он никогда не пожалел бы своего бывшего дружка, если бы случайно не оказался вместе с ним во время свидания со своими родственниками и не встретиться взглядом с глазами его матери. Взгляд умолял спасти её сына, и он никак не может его забыть. Он понимает, что смерти ему не избежать, что жить осталось уже не долго. Но он примет смерть спокойнее, если будет знать, что сумел хоть немного помочь этой несчастной женщине. Он очень просил меня передать его заявление «кому нужно», чтобы его соучастник остался жив.

Мне было трудно судить об искренности его слов. Возможно, таким образом он рассчитывал хоть ненадолго

задержать исполнение приговора и хоть как-то продлить остаток жизни. Но я знал, сколько дней ему осталось жить, поэтому не стал огорчать заявителя отказом и пообещал помочь ему. Ровно через два дня он предстал перед участниками расстрельного процесса в пункте исполнения смертных приговоров. Я, памятуя его обращение ко мне, сказал, что его совесть в отношении соучастника может быть чиста, тот будет жить дольше его. Что он сделал все, что мог, и я так же сделал все, что мог. В ответ он лишь слабо кивнул головой, и через минуту его не стало. Он так и не узнал, что бывший друг пережил его всего на десять минут.

Несчастную мать этого расстрелянного осужденного я больше никогда не видел. А отец примерно через две недели после казни приезжал на очередное свидание, и когда узнал в справочном бюро, что его сын «убыл по приговору», впервые заплакал. Происходило все это на моих глазах, и когда я, пытаясь его успокоить, пролепетал, что его сын, видимо, убил в Россию, на «вредное производство» он ответил мне, что он такой же полковник, как и я, только российской армии. И он знает о том, что сын расстрелян и захоронен. И даже знает где. Но ради своей жены он готов и дальше разыгрывать из себя «дурака» и поддерживать в ней убежденность в существовании «вредных предприятий», «урановых карьеров» и сверхсекретных подразделений «спецназа», созданных из «смертников». На этом мы расстались и больше уже никогда не виделись.

И все же легенда о секретных предприятиях, куда увозят приговоренных к смертной казни, реально существовала до того времени, пока история с «расстрельным» пистолетом из чисто уголовной, не превратилась в объект политических интриг и не была опубликована в печати.

Расскажите о работе расстрельной команды. Кто в неё входит, как подбираются люди, как распределяются обязанности?

Расстрельная команда имеет официальное название: «Специальная группа по приведению в исполнение смертных приговоров». Так написано в инструкции МВД, регламентирующей этот вид деятельности. Количественный и персональный состав группы также определен инструкцией и объемом задач, стоящих перед ней. Группа, которую я возглавлял, состояла из тринадцати человек. Помимо непосредственных участников «расстрельного» процесса, в неё входили также врач и представитель МВД. Обязанности врача были далеко не врачебные, он только констатировал смерть казненного, а представитель МВД - осуществлял контрольно-регистрационные функции. Главной государственной надзорной «инстанцией» над деятельностью «расстрельной» группы являлся прокурор, назначаемый Генеральным прокурором Республики Беларусь. Именно прокурор является главным должностным лицом, контролирующим отправление правосудия в строгом соответствии с законом. И только прокурор не является членом группы по приведению в исполнение смертных приговоров. Все остальные члены группы подбираются её руководителем, после чего утверждаются руководством ГУВД (в прежнее время) или МВД (сегодня). Распределение обязанностей среди членов группы возлагается на его руководителя. Он подбирает не менее двух исполнителей приговоров и не менее трех водителей-профессионалов. Лично я добивался универсальности членов моей группы, где каждый мог выполнить любую задачу, поставленную перед ним, в том числе и привести в исполнение приговор. По понятным причинам, я не могу раскрыть персональный состав моей группы и рассказать о каждом её члене. Скажу только, что я категорически избегал от зачисления в это подразделение каких-либо «суперменов». В группу подбирались просто физически крепкие мужчины, с устойчивой психикой и крепкими нервами. Комплектовалась «расстрельная» группа, как правило, за счет действующих сотрудников СИЗО, но в целях обеспечения безопасности разрешалось привлекать к сотрудничеству и других граждан. Все члены группы в рабочее время занимались исполнением своих обычных служебных обязанностей. По поданному мною сигналу они были обязаны незамедлительно прибыть в пункт сбора членов специальной группы. Сбор производился таким образом, чтобы отсутствие члена группы на рабочем месте выглядело естественным и не вызывало ненужных подозрений у коллег. На место сбора личный состав группы прибывал уже вооруженным табельным оружием. После постановки задачи часть сотрудников специальным транспортом доставлялась в пункт исполнения приговора, и подготавливалась место для встречи лиц приговоренных к смертной казни. Другая часть группы возвращалась в СИЗО и по полученным от меня документам организовывала вывод из камеры приговоренных к смертной казни, посадку их в машину и доставку в пункт исполнения приговора.

Это был самый ответственный момент. Транспортировка по городу «смертников» могла спровоцировать нападение на транспорт с целью их освобождения. Поэтому время погрузки осужденных и маршрут движения транспорта я объявлял только перед самым проведением мероприятия, только в устной форме и только тем лицам, кого это касалось непосредственно.

Кроме того, параллельно принимались меры для обеспечения зашифровки маршрута движения конвоя перед сотрудниками СИЗО, посвященными в обстоятельства отправки «смертников» на последний «этап».

В случае, если бы нападение на транспорт все-таки состоялось, сотрудники «спецгруппы», конвоирующие приговоренных к смертной казни, были обязаны немедленно расстрелять всех конвоируемых прямо в автомобиле, после чего имели право покинуть автомобиль.

После доставки осужденных в пункт исполнения приговора их размещают под усиленной охраной в специально оборудованной камере. Когда «объект» полностью подготовлен к исполнению приговора, в специальном кабинете, смежном с помещением, где непосредственно производится расстрел осужденных, за небольшим письменным столом занимают свои места: прокурор, руководитель специальной группы (начальник СИЗО) и представитель МВД. На столе находятся личные дела осужденных. Руководитель группы называет фамилию, и первого осужденного приводят в кабинет.

Согласно инструкции прокурор задает осужденному вопросы, уточняющие его анкетные данные. Убедившись, что перед ним находится именно тот человек, личное дело которого находится у него в руках, прокурор объявляет ему,

что его ходатайство о помиловании, направленное на имя Президента Республики Беларусь, отклонено, и что в отношении его приговор будет приведен в исполнение. Осужденный, находящийся в этот момент на грани почти что полного безумия, превращается в покорное, безропотное существо, практически не понимающее, что происходит.

После последних слов прокурора руководитель специальной группы подает команду своим подчиненным об «этапировании» приговоренного к расстрелу. Осужденному завязывают повязкой глаза, чтобы он не ориентировался в пространстве, и уводят в соседнее, специально оборудованное помещение, где его уже ожидает исполнитель с пистолетом наготове. По сигналу исполнителя двое сотрудников перед специальным щитом - «пулеуловителем» опускают осужденного на колени, после чего исполнитель стреляет ему в затылок. Смерть наступает практически мгновенно. Вся процедура казни, начиная с момента объявления Указа Президента об отказе в помиловании, до выстрела в голову, длится не более двух минут. Поэтому могу утверждать, что в этот момент осужденный абсолютно не соображает, что с ним происходит, и смерть приходит к нему внезапно. Конечно, после объявления прокурора об отказе в помиловании он испытывает сильнейший стресс, понимая, что его казнят, но он думает, что все-таки это будет не сейчас и не здесь, так как явных признаков того, что это произойдет здесь и немедленно, он не видит. Именно это дает ему надежду на то, что он ещё немного проживет. Хоть день, хоть час, хоть пять минут, но проживет.

За время моей работы в должности начальника СИЗО и руководителя специальной группы было казнено сто тридцать четыре человека, приговоренных к смертной казни. Из них было только четверо, которые, судя по их поведению и способности произносить осмысленные слова, понимали, что они сейчас умрут и ушли из жизни в нормальном сознании. При этом у меня сложилось впечатление, что эти люди искренне верили в бога. Не просто читавшие Библию, в последние годы это делали практически все осужденные, а были истинно верующие люди.

Наверное, трудно поверить в искренность моих слов, но лично я относился к процедуре исполнения смертного приговора с огромным отвращением. Я знаю, что точно такое же чувство испытывали и почти все члены специальной группы. Сотрудники, которые проявляли во время казни какие-то восторженные эмоции, немедленно выводились из состава специальной группы. Садистов я не выносил. В мою бытность таких извращенцев было только двое.

Итак, казнь состоялась. Врач фиксирует наступление биологической смерти. Прокурор, руководитель специальной группы и врач подписывают, как правило, заранее составленный акт о приведении в исполнение смертного приговора. Этот акт является главным учетным и отчетным документом, на основании которого в последствии делаются соответствующие справки для суда, вынесшего смертный приговор, и органов «ЗАГС» для оформления свидетельства о смерти.

Акт о приведении в исполнение смертного приговора вместе с актом о захоронении, а так же с другими документами, относящимися к процедуре смертной казни, подшиваются к личному делу казненного и передаются на хранение в архив МВД.

Обычно партия расстреливаемых осужденных составляет от трех до пяти человек, но иногда бывают и одиночные исполнения смертных приговоров. Все зависит от того, как работает Комиссия по помилованиям при президенте и, естественно, сам президент. После расстрела осужденных, их тела упаковывают в полиэтиленовые мешки и производят захоронение. Поскольку места захоронения тел казненных являются тайной, я больше ничего на эту тему говорить не буду.

В качестве примера приведу одно из технических «изобретений», применявшееся нашими грузинскими «коллегами» в тот период, когда в их стране была такая мера наказания, как смертная казнь. Там осужденного в специальном помещении укладывали на пол лицом вниз, при этом голова приговоренного свешивалась в специальный канализационный сток. В таком положении исполнитель не мог произвести точный выстрел и попасть в мозжечок. Для того, чтобы облегчить «работу» исполнителя и обеспечить точное попадание пули в цель, один из членов расстрельной группы обыкновенным сачком для ловли бабочек приподнимал голову приговоренного к казни до нужного уровня, после чего исполнитель производил прицельный выстрел.

Возвращаясь к вопросу о людях, являющихся членами специальной группы, скажу, что все они достойны уважения, ибо выполняют самую черную и неблагодарную в мире работу. При этом они рискуют своим авторитетом, положением в обществе и приобретением давно забытого в нормальном обществе средневекового клейма - «палач».

И тем не менее они остаются людьми, со своими достоинствами и недостатками, житейскими и бытовыми проблемами, семейными неурядицами и родительскими обязанностями. В быту это абсолютно мирные люди. Многие из них даже не способны ругаться или скандалить. Но, получив приказ, они выполняют его до конца. Внешне эти люди абсолютно неотличимы от других. Никто, даже близкие родственники, не должны знать о роде их занятий. Они не имеют права даже намеком высказать свою причастность к особому виду деятельности. У них есть одно право: точно делать порученное им дело и молчать.

Как лично вы принимали решение собственноручно приводить в исполнение смертные приговоры? Знала ли об этом ваша семья? Были ли какие-то курсы повышения «квалификации»?

Что касается личного исполнения смертных приговоров, то я этого не делал никогда. Насколько мне известно, этим не занимался так же никто из моих предшественников. Задачей руководителя было: осуществлять общее руководство специальной группой, а не нажимать на курок. Для этого имелись другие люди, и они прекрасно справлялись со своей задачей. Конечно, если бы я имел острое желание лично расстрелять кого-либо из осужденных, то вряд ли кто-то смог бы этому воспрепятствовать, но у меня такой потребности никогда не было, а стать палачом-любителем я так же не собирался.

Руководителем специальной группы я был назначен параллельно с назначением на должность начальника СИЗО в

декабре 1996 года. Моя семья узнала о том, что я являлся руководителем группы по приведению в исполнение смертных приговоров только после публикаций об этом в средствах массовой информации в июле 2001 года.

Никаких специальных курсов «повышения квалификации» я не проходил. Их просто не существовало. Моими «преподавателями» были старослужащие сотрудники, которые являлись и носителями и хранителями определенных профессиональных навыков и традиций. Остальное образование палача я получил, изучив действующие приказы и инструкции, регламентирующие деятельность специальной группы по приведению в исполнение смертных приговоров. Точно так же происходит обучение и других сотрудников, зачисленных в штат специальной группы.

Когда вам первый раз в жизни пришлось участвовать в расстреле? Помните ли вы этот случай? Вам было страшно или нет?

Да, я помню ту ночь по сей день, причем в мельчайших деталях и подробностях. Это произошло в ночь с тридцатого на тридцать первое декабря 1996-го года. К тому времени я находился в должности начальника Минского СИЗО №1 уже три недели. Я успел познакомиться с личным составом специальной группы, посетить и осмотреть специальные объекты этого подразделения, ознакомиться с имеющейся документацией и инструкциями, регламентирующими порядок содержания в СИЗО приговоренных к смертной казни и процедуру приведения в исполнение смертных приговоров.

Все мои практические познания в этой области замыкались на специальном пистолете с глушителем, хранившемся у меня в сейфе, да на скурых сведениях о предыдущих расстрелах, которые мне рассказали ветераны специальной группы.

В моем служебном кабинете, в специальном металлическом шкафу, хранились все личные дела лиц, приговоренных к смертной казни. В то время их было свыше пятидесяти человек. Дела были разложены по полкам в алфавитном порядке, и я при наличии свободного времени изучал их так же в алфавитной последовательности. Я успел ознакомиться примерно с десятком личных дел и полагал продолжить это занятие уже в новом, 1997 году, но произошло следующее.

Двадцать девятого декабря 1996 года в СИЗО внезапно прибыл только что назначенный начальником КИН МВД Республики Беларусь Хомлюк. Он передал мне устное распоряжение тогдашнего руководителя МВД Агольца о том, чтобы я до наступления нового года расстрелял группу лиц, осужденных к смертной казни, которым президент отказа в помиловании. В связи с этим мне нужно было срочно получить в Верховном суде необходимые документы и доложить о готовности специальной группы министру, естественно, через Хомлюка.

Через час я был уже в Верховном суде, где получил объемистый пакет с документами, на котором стоял гриф «совершенно секретно». Прибыв в СИЗО, я вскрыл пакет и обнаружил пять Указов президента в отношении пяти лиц, осужденных к смертной казни. Я, как положено, зарегистрировал документы в специальном хранящемся у меня журнале и пригласил к себе на совещание некоторых членов специальной группы, потому что не знал, что мне делать дальше. Прибывшим коллегам я объяснил сложившуюся ситуацию и попросил их обеспечить техническую готовность мероприятия к завтрашнему дню. Мои сотрудники заверили меня, что все будет готово и пошли выполнять полученное задание. Я оповестил о готовящемся мероприятии прокурора и других участников «расстрельного» процесса, после чего позвонил Хомлюку и доложил о готовности группы провести «спецмероприятие» в ночь с тридцатого на тридцать первое декабря. При этом я поинтересовался, к чему такая спешка? Хомлюк сказал мне, что среди этих осужденных есть один негодяй, совершивший убийство дочери и внука одного высокопоставленного сотрудника МВД, который якобы обратился к министру с просьбой лично присутствовать при расстреле убийцы, однако Аголец ему в этом отказал, но пообещал, что до Нового года этот осужденный не доживет.

Фамилия этого осужденного была Невейко. Я поднял его личное дело и прочёл приговор. Действительно, это была конченная мразь. Он жил на одной лестничной площадке с сотрудником МВД. Был вхож в его семью. Пользовался по доверенности личным автомобилем этого сотрудника, который, в конце концов, продал, инсценировав его угон. Будучи вне подозрений, продолжал общаться с соседями, выражая им сочувствие и активно «помогая» в поиске «угнанной» машины. Однако этого ему показалось мало, и он с целью ограбления проникает в квартиру соседа. Будучи застигнутым врасплох внезапно вернувшейся домой дочерью сотрудника МВД, он убивает её ножом, а малолетнему ребенку разбивает голову. Забрав деньги и ценные вещи, уходит, однако через время возвращается и забирает ещё и импортный магнитофон. Опять он остается вне подозрений, опять выражает соболезнование убитым горем родителям и опять активно участвует в «розыске» преступников. Уверенный в своей безнаказанности, Невейко, как и все преступники, которым долгое время «фартило», потерял осторожность и начал сбывать похищенные им вещи. В одном из комиссионных магазинов и был обнаружен магнитофон, пропавший из квартиры сотрудника МВД. Так и вычислили Невейко. При обыске его квартиры были обнаружены и другие вещи, похищенные им у соседей. Дальнейшее, как говорится, было делом техники. Вина Невейко в совершенных им тяжких преступлениях была полностью доказана, да он и сам не отрицал её. Однако в содеянном не раскаивался. Сокрушался только, что допустил «промашку» с магнитофоном. Не менее «достойными» были и остальные члены «команды», которой, вместе с Невейко, предстояло принять определенную им судом суровую кару.

Наступило тридцатое декабря. С самого утра я не находил себе места. Кое-как справившись с текущими делами, я вновь пригласил к себе нескольких «ветеранов» группы и попросил их в мельчайших деталях рассказать мне весь процесс исполнения приговора - от вывода заключенных из камеры до захоронения тел расстрелянных. Они вновь разъяснили мне в принципе несложный механизм казни, но я ничего не соображал. Я никак не мог уяснить свою роль в этом отлаженном механизме, предназначенном для лишения жизни людей. Наконец, оставив в кабинете одного сотрудника, с которым у меня сложились наиболее доверительные отношения, я напрямую спросил его: что

конкретно должен делать я, где должен находиться и какие слова говорить? Сотрудник понял моё состояние и сказал, что постарается все время находиться рядом со мной и координировать мои действия. А вообще весь «процесс» начинается с команды начальника дежурному офицеру о выдаче конвою осужденных, которые должны быть казнены. С этого момента члены специальной группы, они же конвой, приступают к своей работе. Дальше все происходит по годами отработанной схеме. Так что в целом никаких проблем быть не должно.

И все же лично для меня проблема была, и проблема не простая. Она заключалась в том, что процедура исполнения смертных приговоров, рассказанная мне «ветеранами», довольно сильно отличалась от той, которая была описана в инструкции. И хотя инструкция допускала инициативу в выборе вариантов исполнения наказания, примитивизм нашей процедуры лишения жизни поразил даже моё воображение.

С наступлением темноты мне доложили, что специальная группа готова к выполнению задания. Я, прикрепив к поясу кобуру с заряженным «расстрельным» пистолетом, прибыл в пункт сбора личного состава группы, и наш «караван», состоящий из трех машин, тронулся в путь. Я не ориентировался в маршруте, особенно когда машины вышли за пределы городской черты. Теоретически я знал, где расположено место, к которому мы ехали, но самостоятельно я его не нашёл бы никогда. Неожиданно все водители одновременно выключили фары и в полной темноте аккуратно съехали с трассы на какую-то лесную дорогу. Так, с выключенными фарами мы минут через десять приехали на небольшую лесную поляну. Я никого ни о чем не спрашивал, и, стараясь не мешать членам группы, отошёл в сторону и наблюдал за их действиями. Из одной машины мои сотрудники вытащили несколько больших кусков брезента и шанцевый инструмент. Я понял, что сейчас они будут копать яму. Стоял сильный мороз. Я подумал, что, видимо, придется разводить костер для обогрева земли и даже обрадовался этому, так как приехал в лес в летних туфлях и уже порядком замерз. Однако все произошло иначе. Один сотрудник взял лопату и подошел к одному из нескольких припорошенных снегом малоприметных холмиков, каких бывает полно в любой лесистой местности и на которые никто не обращает внимание. Он разворошил его, и я увидел, что холмик состоит из уплотненной опавшей листвы, довольно толстым слоем укрывавшей землю. Земля под листвой была мягкая, и группа приступила к работе. Прежде всего вокруг прикрытого листвой места был аккуратно разложен брезент. На него были сброшены прикрывавшие землю листья, а затем посыпалась извлекаемая из ямы земля. Место работы освещалось карманным фонариком. Фонарик был прикреплен к длинному острому металлическому стержню. Стержень легко втыкался и в дерево, и в землю, и не было необходимости держать фонарик в руках. Когда яма углубилась, в неё опустили лестницу. По лестнице спускались и поднимались «копальщики». Примерно через два с половиной часа яма была готова. Я заглянул внутрь. Яма была очень глубокая и снизу сильно расширялась. По краям ямы, чтобы она не обсыпалась, были уложены доски. Закончив работу, члены группы во главе со мной на двух автомобилях вернулись в СИЗО. Еще двое сотрудников с автомобилем были оставлены в лесу для охраны «объекта». Было около одиннадцати часов вечера, когда я подписал распоряжение дежурному офицеру о выдаче конвою группы лиц, приговоренных к смертной казни. К этому времени в СИЗО прибыли представитель МВД, прокурор и врач. Врач остался у меня в кабинете, а я вместе с прокурором и представителем МВД прошел в дежурную часть. Там в соответствии с существовавшими в то время правилами не было никого, кроме дежурного офицера. Все штатные сотрудники на период погрузки осужденных в машину были временно отстранены от несения службы и находились в изолированной комнате. Это были требования конспирации. Никто, кроме дежурного по СИЗО, не имел права видеть членов специальной группы. Мы втроем заняли места за одним из столов, имевшихся в дежурной части, и стали ждать доставки осужденных.

Ждать пришлось недолго. Через подземный переход сотрудники специальной группы стали по одному приводить осужденных. Они были одеты в полосатые «робы» и обуты в войлочные тапочки. Руки их были связаны сзади. Они тряслись то ли от холода, то ли от страха, а их безумные глаза излучали такой неподдельный ужас, что смотреть на них было невозможно. Мне показалось, что их состояние передалось и мне. Как будто не их, а меня должны были вскоре лишиться жизни. Тем не менее распускать «сопли» я не имел права, по крайней мере, внешне, так как начиналась бюрократическая часть смертельного делопроизводства, и я был его непосредственным участником. Кое-как я взял себя в руки и, уставившись взглядом в стол, с умным видом перебирал какие-то бумаги. Начался процесс ознакомления осужденных с решением президента. Прокурор привычно уточнял анкетные данные стоящего перед нами человека, затем так же привычно объявлял об отказе в помиловании и смотрел на меня. Я понимал, что должен что-то сказать, подать какую-то команду, но, ошарашенный всем происходящим, лишь что-то «мямлил» в полголоса и неопределенно махал рукой конвою. Благо, что мои сотрудники хорошо знали своё дело и абсолютно не нуждались в моих командах.

Наконец все осужденные были ознакомлены с президентскими решениями и усажены в машину. Они сидели на полу в затылок друг другу, их ноги были широко раздвинуты и образовывали «ёлочку». Такая рассадка полностью исключала любую попытку встать на ноги, или оказать какое-либо сопротивление.

На боковых скамейках с оружием наготове расположились сотрудники специальной группы, и колонна теперь уже из двух машин вновь тронулась по прежнему маршруту. К «яме» прибыли за полночь. Машину поставили на краю поляны, метрах в десяти от ямы, и вытащили первого осужденного. Я стоял рядом с ямой. Прокурор и представитель МВД находились в машине и через окно наблюдали за происходящим. Хотя все происходило в полной темноте, я увидел, как один из членов группы надел на шею «смертника» петлю из толстой веревки, другой конец которой держал в руках. Еще один сотрудник вставил в рот осужденному кляп. Держа за веревку, «смертника» подвели к краю ямы и положили на землю лицом вниз. Он не оказывал никакого сопротивления. Его голова свисала в яму. И тут я увидел, для чего нужна веревка. Когда исполнитель стал наводить на осужденного полученный от меня «расстрельный» пистолет, другой член группы, державший в руках конец веревки, потянул за неё и приподнял голову приговоренного к расстрелу над ямой, давая возможность исполнителю точнее произвести выстрел. На мгновение был включен фонарик, осветивший стриженный затылок приговоренного, и в тот же момент в него впились пули. Для

меня все увиденное происходило как в замедленной съемке. Время было невероятно растянуто. Выстрел прозвучал не как резкий хлопок, а как громкое шипение раскаленной сковороды, на которую попала холодная вода. Я мог поклясться, что видел, как пуля вошла в голову казненного. Эти мои ощущения впоследствии подтвердили многие сотрудники специальной группы, которые также испытывали аналогичное состояние, причем не только во время первых «расстрельных» акций, но и последующих. И я убедился, что это нормальная реакция нормального человека на ненормальную ситуацию, противоречащую самому человеческому естеству.

Итак, пуля вошла в затылок. Вверх ударила тугая струя крови. В ночной тишине раздался жуткий протяжный стон, и все стихло. Только журчала стекающая в яму кровь. Подошел доктор, потрогал пульс и сказал, что осужденный мертв. Сотрудник, продолжавший держать в руках конец веревки, вновь потянул за неё, и тело казненного упало в яму. Так я увидел второе назначение веревки.

Сразу же подвели следующего приговоренного, и процедура повторилась заново. Вспышка фонаря, шипение пистолета, фонтан крови, стон и шлепок упавшего в яму тела.

Последним расстреляли Невейко. Я полагал, что это случайность, но оказалось, что всё было сделано умышленно. Члены «расстрельной» команды, узнав о злодеяниях этого преступника, проявили своеобразную «ментовскую солидарность». Зная о том, что страх ожидания смерти ужаснее самой смерти, они специально посадили его в машину первым, следовательно, умереть он должен был последним. Что и произошло в действительности. Естественно, находясь в десяти метрах от места казни, он слышал и хлопки выстрелов, и стоны расстреливаемых. Что творилось в его душе в этот момент, не знает никто, но то, что это были самые страшные минуты его жизни, не вызывало у меня никакого сомнения. Странно, но даже в таком, казалось бы абсолютно равноправном мероприятии, как исполнение смертного приговора, нашлось место и для предоставления приговоренному некоторых льгот в виде права быть расстрелянным первым.

Экзекуция закончилась. Яму быстро закопали. Стряхнули с брезента остатки земли, утрамбовали почву, затем присыпали яму листвой и припорошили снегом. Замели так же следы людей и машин. В общем, на поляне был восстановлен первоначальный вид дикой природы. И никакому, даже самому искушенному «следопыту», никогда не пришло бы в голову, что всего час назад эти деревья и кустарники были свидетелями кровавой и жестокой сцены, когда одни люди хладнокровно отнимают жизнь у других.

С каким-то отвратительным осадком на душе я вернулся в подразделение. Остальные члены группы, приведя в порядок транспорт и сдав оружие, разъехались по домам. Убыли так же прокурор и врач. Было около трех часов утра. Завтра предстоял обычный рабочий день, и я решил немного отдохнуть. Расположившись в комнате отдыха на диване, я выключил свет и закрыл глаза. Практически мгновенно, как наяву, я увидел картину расстрела. Фонтан крови висел перед глазами и никак не опускался. Его брызги достигали моего лица и обжигали его, как кипяток. Я открыл глаза, и видение исчезло, но в углу комнаты послышался шорох, и мне показалось, что кто-то стонет. Я включил свет, шорох прекратился, стон тоже. И я понял, что у меня были галлюцинации, а потому больше свет не выключал. Такое состояние длилось три дня. Я умышленно выбрал себе дежурство на Новый год, чтобы родственники не заметили перемен в моем поведении. Лишь после Нового года, приняв изрядную дозу алкоголя, я впервые за трое суток уснул с выключенным светом и без кошмарных сновидений.

Это был переломный момент в моей биографии. Появилось желание все бросить и больше никогда не участвовать в мероприятиях подобного рода. Но расставаться со службой мне так же не хотелось, ведь это был единственный источник моего существования. Да и должность начальника СИЗО меня вполне устраивала. Отказ от руководства специальной группой теоретически был возможен, но я знал, что практически это влечет за собой освобождение и от должности начальника учреждения. Короче, получался замкнутый круг. И выход был только один: повернуть процесс исполнения смертных приговоров в более-менее «цивилизованное» русло, если это слово вообще приемлемо для такого рода деятельности.

Кое-что мне сделать удалось. Исполнение смертных приговоров стало производиться в «крытом» варианте, то есть в помещении и при отсутствии остальных осужденных. Я не знаю, насколько это облегчило страдания «смертников», но по крайней мере внешне процедура стала выглядеть более гуманной, ибо с момента объявления осужденному об отказе в его помиловании до расстрела проходило не более одной минуты. Кроме того, по согласованию с Прокуратурой республики им разрешили получать продуктовые передачи, что раньше было запрещено. Вот, в общем-то, и все мои «гуманные» акции в отношении самой сложной категории осужденных, содержащихся когда-либо в Следственном изоляторе. Я понимаю, что ни колбаса, ни сало не заменят человеку даже минуты жизни, но не надо забывать и то, о каких людях идет речь, и что права на жизнь они лишены все-таки за дела, также далеко не гуманные.

Расскажите об обстоятельствах вашей эмиграции в Германию.

Выезд за границу я планировал давно. В ФРГ у меня появились родственники, которые и пригласили меня на отдых. Все шло по плану. Я взял отпуск, сдал документы в Посольство ФРГ и стал ждать ответа. Никаких помыслов о «бегстве» у меня не было. Ни в каких багажниках меня никто не вывозил. У меня даже сохранилось отпускное удостоверение, где пунктом проведения отпускного времени рукой кадровика указан город Берлин. Но наша власть не может по-человечески относиться не только к оппозиции, но и к людям, которые держат эту власть на своих плечах. К категории таких «столпов», я по характеру занимаемой должности и непростительной мне наивности относил и себя.

Дело в том, что когда я пытался лично выяснить причастность к похищениям людей высших должностных чинов МВД, у меня была одна единственная цель: раскрыть чисто уголовное преступление. Я был абсолютно далек от

политики. Я и сейчас не стал к ней ближе. О какой политической деятельности или карьере может мечтать «тюремщик» и «палач», как это стало модным теперь меня называть, хотя я лично не убил даже курицу.

И мне было абсолютно непонятным поведение моего руководства, в частности, очень уважаемого мной в то время министра Наумова, который, заведомо зная о готовящихся публикациях в СМИ, расшифровывающих меня как руководителя специальной группы по исполнению смертных приговоров, не соизволил найти времени, чтобы переговорить со мной, предупредить меня. Возможно, мы могли бы найти какой-то выход, обеспечивающий безопасность мне и членам моей семьи. Но никому до меня не было дела. И только в день выхода оппозиционной прессы с содержанием моего и генерала Лопатика рапортов все заволновались. Стали судорожно искать меня. Но отнюдь не потому, чтобы позаботиться обо мне, а для того, чтобы я отмывал обосравшихся генералов и прокуроров. От меня требовалось немного - всего лишь публично заявить, что опубликованные документы являются фальшивкой, и имеют целью дискредитировать руководство страны в предвыборный период. Некоторые так и поступили, чем купили себе жалкое презренное существование. Я не смог этого сделать. Я не мог подыгрывать людям, которые настолько презирали своих подчиненных, что даже не сомневались в том, что Алкаев сделает так, как ему прикажут. Кто и в какие века в Белоруссии осмеливался выступить против мнения руководства, тем более такого всемогущего, как МВД. Будучи сами бесхребетными, беспринципными и предельно трусливыми натурами с холуйской психологией, они видели в нас ещё больших холопов, чем сами. И, судя по всему, во многом были правы. Просчитались только с некоторыми, в том числе и со мной. В день выхода из типографии газет с публикациями в отношении меня я покинул Минск. Первое время я жил в Москве. Теперь уже можно об этом сказать. Предоставила мне квартиру и обеспечила всем необходимым для проживания семья одного бывшего заключенного, в частности, его супруга Жанна Смолярова. Низкий поклон им за это. Через некоторое время эта же семья привезла в Москву мой паспорт с визой, разрешающей мне въезд в ФРГ. И 25 июля 2001 года я прибыл в замечательный город Берлин, в котором проживаю и по настоящее время.